

Анатолий Дроздов
КРОВЬ НА ЭПОЛЕТАХ

Анатолий Федорович Дроздов
Кровь на эполетах
Серия «Штуцер и тесак», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Платон Руцкий, фельдшер скорой помощи, ехал с пострадавшей в ДТП с надеждой не опоздать, но судьба распорядилась так, что машина сама попала в аварию. Погибнув здесь, Платон пришёл в себя уже в другом времени. Это был июль 1812 года, и в городе, где он когда-то жил, хозяйничали французы. Выжить на войне непросто. И вдвойне сложнее, если вокруг незнакомые реалии отдалённого прошлого.

Платону Руцкому удалось не только уцелеть, но даже вписаться в местную эпоху. Вот он уже дворянин и успешный командир батальона егерей. Но война продолжается, и всё ближе день сражения, решающего для нашего героя, того самого последнего боя, который трудный самый.

Содержание

Пролог	4
1.	9
2.	31
3.	56
4.	79
5.	100
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Анатолий Дроздов

Кровь на эполетах

Пролог

«La Grande Armée»¹ покидала разграбленную и дымящуюся Москву. То, что уцелело после первого пожара, по приказу императора было взорвано. Под церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи, храм Ивана Великого, многие другие здания был свезен порох из московских арсеналов, но в суматохе внезапного выступления сделать все как следует не вышло. Взрывами была уничтожена до основания Водовзводная башня, частично – Никольская, Безымянная и Петровская. Рухнула и часть кремлевской стены, а вот колокольня Ивана Великого устояла. Тогда Наполеон повелел предать огню все, что не разрушилось при взрывах.

Старая столица вновь пылала, а из нее колоннами шагали старая и молодая гвардия, топала следом обычная пехота, не удостоившаяся чести именоваться гвардейской, рысью шла кавалерия: кирасиры, драгуны, уланы и гусары; катили в колясках генералы и маршалы. Наполеон и его армия покидали негостеприимную русскую столицу. Вместе с ними уезжали и штатские: французские купцы и рестораторы, владельцы

¹ Великая армия (франц.).

модных магазинов, актеры и парикмахеры, гувернеры и модистки, коих в Москве до войны обреталось бесчисленное множество. Для них в свое время далекая Россия представлялась сказочным Эльдorado, и они стремились в эту страну в надежде разбогатеть. Кому-то удалось сколотить капитал, кто-то разорился и опустился на самое дно, но большинство так или иначе пристроились и были довольны жизнью. Сейчас те из них, которые остались в Москве после бегства ее жителей и приветствовали приход французов, загорелись желанием вернуться на историческую Родину. Публика побогаче двигалась в экипажах – разномастных каретах, ландо, колясках, кативших по три-четыре в ряд. Те, кто победнее, тащились на реквизированных у местных крестьян телегах, а то и вовсе топали на своих двоих, навьюченные нажитым непосильным трудом, но чаще награбленным у москвичей скарбом.

Среди богатых экипажей выделялась роскошная карета знаменитой Мари-Роз Обер-Шальме. Французская эмигрантка, некогда сбежавшая из Франции от революции, сумела за двадцать лет сколотить в России огромный, полумиллионный капитал. Мари-Роз принадлежал самый модный (и самый дорогой) магазин престижных французских товаров в Глинищевском переулке². Последние парижские наряды, ткани, сеvрский фарфор и другие предметы роскоши. Цены там были такие, что москвичи прозвали хозяйку

² Этот дом сохранился. В нем, кстати, неоднократно бывал Пушкин.

«Обер-шельмой». С приходом в Москву «La Grande Armée» «Обер-шельма» окружила заботой Наполеона: следила за его питанием и бытом, давала советы, как вести себя с русскими. И вот теперь убегала, понимая, что в России за такое по головке не погладят.

Если колонны отступавшей гвардии Великой армии еще походили на войска, то остальные полки, бригады и дивизии напоминали орду, возвращающуюся из набега. Грабители тащили добычу. Тюки с награбленным заполняли телеги, выюки лошадей, зарядные ящики артиллерии, из которых безжалостно выбросили ядра и картечь. Походные кузни лишились наковален, инструментов, гвоздей и подков. Их место заняли меха, которых в старой русской столице оказалось особенно много³, одежда из дорогих тканей, серебряная и фарфоровая посуда. Мешки с награбленным висели даже на стволах пушек. Рядовые солдаты и унтер-офицеры несли добычу на плечах. Самые предусмотрительные использовали для этого ручные тележки, которые толкали русские, понужденные к тому угрозой расправы. Часть солдат, которым не досталось тележек, не мудрствуя лукаво, погрузили на плечи захваченных рабов поклажу и теперь просто шагали рядом, подгоняя носильщиков.

Добыча была столь богатой, что солдаты, тащившие ее сами, сгибались от тяжести. Многие понимали, что не донесут, но бросить награбленное было выше их сил. Поэтому крях-

³ Москва в то время была центром меховой торговли в России.

тели, стонали, но упорно шагали вперед.

Шли весело. Солдаты горланили песни, штатские улыбались. Некоторые семьи богатых купцов вырядились как на пикник: женщины надели шелковые капоры, роскошные платья и белые башмачки. Октябрь 1812 года выдался необычно теплым, и ландо ехали с открытым верхом, позволяя окружающим все это богатство разглядеть. Несмотря на отступление, никто не горевал. Сгоревшая на три четверти, оставленная населением, мрачная и негостеприимная Москва надоела всем. В ней было море выпивки – уехавшие дворяне оставили погреба, полные вина. Хватало сладостей – в частности, сахара. Но в погребах и кладовых было мало муки, а следовательно – и хлеба. Рядовые пехотинцы и кавалеристы видели его нечасто. Впрочем, не горевали: в Смоленске ждут магазины⁴ с провиантом, где честно сражавшиеся солдаты получают хлеба сполна. Зато ранцы и мешки полны добычей, а с ней храброму французу сам черт не страшен. Тем более что черта нет, как и бога – их отменила революция, и это подтвердили ученые Института Франции⁵.

Никто из этих людей – певших, улыбавшихся, отпускавших задорные шутки – не представлял, что столь яростно отрицаемый ими Бог уже пометил большинство из них своей печатью. Что подавляющему большинству из этой орды жить

⁴ Магазинами в то время назывались склады.

⁵ Институт Франции был создан после революции взамен Французской академии. Прекратил свое существование после реставрации Бурбонов.

осталось от силы месяц, многим – и того менее. Часть солдат и офицеров погибнут в боях, и этим, можно сказать, повезет. Другие попадут в плен. Счастливики – к русской армии, и у этих будет шанс выжить. Небольшой, но все же. А вот у тех, кого захватят партизаны... Крестьяне разобьют им головы дубинами и топорами, и это действие будет происходить на глазах ждущих своей очереди пленников под веселые крики и пляски победителей⁶. Однако большинство французов умрут от ран и болезней, голода и холода. Солдаты и офицеры, штатские – мужчины, женщины и дети – все они сгинут еще до зимы, в том числе и знаменитая «Обер-шельма». Богатство не спасет ее от тифа. Смерть пришельцев станет долгой и мучительной – на обочине дороги, на бивуаке у костров в открытом поле или в ледяных, ими же разоренных избах. Так веселившая их сердца добыча будет безжалостно брошена, а самым желанным сокровищем станет заплесневелый сухарь или похлебка из мерзлой конины.

Однако никто из отступавших французов и их союзников этого пока не знал. Орда весело шла навстречу своей гибели...

⁶ Реальный факт, описанный очевидцем.

1.

Time to say goodbye
Paesi che non ho mai
Veduto e vissuto con te
Adesso si li vivrò
Con te partirò
Su navi per mari
Che io lo so
No no non esistono più
Con te io li vivrò...⁷

Голоса Сары Брайтман⁸ и Андреа Бочелли⁹, слившись, зазвучали мощно и томительно сладко. Я отчетливо видел огромную сцену на открытом воздухе, оркестр и дирижера. Певцы умолкли, вступили струнные, а потом – и другие инструменты, Сара и Андреа вновь поднесли к губам микрофоны, и их чистые, сильные голоса завершили прекрасную, так любимую мной балладу. Все это было так чудесно, что я

⁷ Время сказать прощай. С тобой уйду. В те страны, которые я никогда не видел, и где не был с тобой, Но теперь я увижу их. С тобой уплываю На корабле по морям, Которых, я знаю, Не существуют больше, С тобой побываю я там... (англ. и итал.)

⁸ Популярная оперная певица.

⁹ Итальянский певец, исполнитель классической и популярной музыки.

заплакал от умиления и... проснулся. Открыв глаза, некоторое время лежал, не понимая, где я, и почему вместо белого потолка моей комнаты в общежитии над головой колышется какая-то парусина, да еще натянутая под углом. И только спустя несколько мгновений пришло осознание: я не дома, лежу в палатке на матрасе, набитом соломой, укрывшись подаренной мне казаками косматой буркой. И на дворе октябрь 1812-го, а не 2019 год. Нахожусь я не в Могилеве, Республика Беларусь, а в военном лагере Русской армии близ села Тарутино, Российская империя.

Однако только что завершившийся сон был настолько ярким и реалистичным, а музыка и голоса певцов столь живыми, что я поначалу прогнал эту мысль. Этого не могло быть! И все, что случилось ранее: смертельное ДТП с каретой скорой помощи на въезде в Могилев, мое перемещение в прошлое, отступление с русской армией, сражения под Смоленском и Бородино, поездка в Петербург, встречи и беседы с Александром I, последующее возвращение в Тарутинский лагерь – не больше чем видение. Бывают сны, в которых проживаешь иную жизнь, причем настолько яркую и насыщенную событиями, что по пробуждении долго не можешь понять, кто ты и где находишься на самом деле.

Я поднял руку и потрогал косой потолок. Пальцы ощутили грубую, толстую ткань. Словно подтверждая реальность осязания, снаружи пропела труба, и послышались зычные голоса дежурных унтеров, проводивших побудку: «Всем вста-

вать! Умываться, бриться, костры жечь, кашу готовить!» Пространство за палаткой наполнилось голосами, топотом ног и звяканьем амуниции. Разочарование было столь велико, что я едва не заплакал снова, но загнав этот порыв далеко внутрь, заставил себя собраться. Не время распускать сопли – слюнтяи на этой войне не выживают.

Отбросив бурку, я сел и натянул сапоги, затем, встав, накинул мундир. Октябрь 1812 года выдался необыкновенно теплым, но ночи стояли прохладные, так что спал я в рейтузах и шерстяных носках. Последние притащил денщик – купил у маркитанта сразу несколько пар. Кстати, о денщике...

– Пахом! – позвал я, выбравшись наружу.

– Здеся я, ваше благородие! – отозвался денщик, показываясь из-за палатки с котелком в руках. Одет в серый суконный мундир, на голове фуражная шапка. Нестроевым егерская форма не положена. – За водой ходил. Прикажете умываться?

– И бриться тоже, – кивнул я, наклоняясь и подставляя сложенные ковшиком ладони.

Ледяная ключевая вода прогнала остатки сна, как и сожаление о не воплотившейся надежде оказаться в своем мире. К черту! Я здесь и должен быть тем, кем меня знают окружающие. Капитаном Руцким, командиром батальона егерей, лекарем, певцом и музыкантом. Кавалером ордена Святого Георгия четвертого класса и знака Военного ордена. Это вам не хухры-мухры.

После умывания Пахом сбегал к кострам за горячей водой и ловко побрил меня. Рука у него легкая, остро заточенное лезвие так и порхает, нежно соскребая щетину с моего лица. Денщик стер полотенцем остатки пены и освежил гладкую кожу одеколоном, плеснув его в ладонь из немаленькой бутылки. Откуда в Русской армии 1812 года одеколон? Оттуда, в смысле – из Франции. Eau de Cologne называется. Трофей, купленный у казаков. В Тарутинском лагере чего только нет: от оружия до нижнего белья, причем даже дамского. Многим торгуют маркитанты, но и казаки активно сбывают трофеи, надо только знать места. Пахом знает. После того, как французы, захватившие меня в плен под Москвой, приватизировали наш багаж, денщик активно восстанавливает хозяйство его благородия. Благо, деньги есть – Пахом успел их спрятать от «мусью».

Одеколон приятно пах цитрусовыми. Хорошо. Русский офицер этого времени должен быть слегка пьян, выбрит до синевы и эрудирован от Баха до Оффенбаха. Последний, впрочем, еще не родился, а водочный перегар лучше заменить запахом одеколona. Я же аристократ – ну, типа. Назвался незаконным сыном князя Друцкого-Озерецкого, и все приняли. А поди проверь! Этих князей в белорусских землях – как блох на Барбоске, а мой мифический папахен к тому же жил за границей, где благополучно и скончался, оставив безутешного сына сиротой. Несчастная сиротка против своей воли успел послужить у французов, где к европейским

ценностям и приобщился. Это по легенде. Офицеры морщатся, когда я, благоухая одеколоном, захожу в штабную избу полка, но терпят. Дескать, что с него взять, аристократа хренова: набрался у «мусью» дурных привычек, нет бы по-нашему, по-русски, засадить с утра чарку водки и «закусить» рукавом. Шутка. Не пьют в армии с утра. Разве что отдельные личности, вроде атамана Платова, который даже перед Бородинской битвой ухитрился наклюкаться до изумления – да так, что не могли растолкать поутру. После сражения под Бородино Кутузов представил к наградам всех офицеров армии, за исключением Платова и Уварова. Их фланговый кавалерийский рейд в тыл армии Наполеона не принес ожидаемого успеха, хотя и напугал французского императора, заставив того отказаться от намерения бросить в бой гвардию. Сделай это Наполеон, и Кутузов остался бы без армии, вернее, с ее жалкими остатками.

Я застегнул мундир и, поевжившись от утреннего холода, присел на кавалерийское седло. Пахом принес кашу в котелке и ломоть хлеба. Обычный солдатский завтрак. Я зачерпнул ложкой горячую, пахнущую дымком гречку, приправленную салом, и бросил в рот. Прожевав, откусил от ломтя. Вкусно! «Как же так! – возмутятся мои современники. – Есть кашу с хлебом! Углеводы с углеводами!» А вот так! Углеводы дают организму много энергии – нужно ли объяснять, что для военного человека она лишней не бывает? Я в армии уже несколько месяцев, и еще не видел ни одного пузатого

в мундире. Тут даже генералы стройные. Все постоянно в движении. Единственное исключение – Кутузов, ну, так ему 67 лет, и старик в силу возраста много спит, оттого тучен. Зато, когда бодрствует, мыслит энергично.

Главнокомандующему не позавидуешь. За оставление Москвы на него окрысилась вся Россия, сам царь выразил недовольство. А кому было ее защищать? Остаткам армии? Так это лучший способ их угробить. А нет армии – подымай лапки перед захватчиком. Оставив Москву, Кутузов совершил фланговый марш к Тарутино, причем сделал это так, что французы долго не могли отыскать исчезнувших русских. Сам Наполеон позже назвал этот маневр гениальным. Воспользовавшись передышкой, светлейший дал войскам возможность отдохнуть, пополнил их рекрутами и припасами. Теперь все рвутся в бой: дескать, мы сейчас – ого! Порвем Бонапарта, как Тузик грелку. Счас! Численность армии восстановлена, а вот боеспособность – нет. Опытных солдат и офицеров, павших под Бородино, заменили новобранцы, а от них толку мало.

И с высшим командованием проблема. В Главном штабе – интриги и грызня. Бенигсен¹⁰ пишет царю доносы на Кутузова, мечтая стать главнокомандующим, хотя как стратег – полная бездарь. В моем времени под Бородино он поставил войска русской армии слишком плотно, сделав, по сути, по-

¹⁰ Л.Л. Бенигсен, генерал от кавалерии, в ту пору начальник Главного штаба русской армии.

дарок французской артиллерии. Результат – огромные потери. Прямое вмешательство Бенигсена в управление войсками в Бородинской битве кончилось утратой позиций на левом фланге. Идиотизм не лечится, и это показало сражение под Тарутино, случившееся на днях. Им опять командовал Бенигсен. И что? Из четырех колонн русских войск только одна успела к полю боя в назначенный срок. В результате удар по французскому лагерю вышел слабым и нескоординированным, из-за чего большая часть неприятеля успела отступить. В этот раз французами командовал Ней, а не павший под Бородино Мюрат, и он сумел быстро прекратить панику среди не ожидавших нападения солдат и офицеров, прикрылся огнем пушек и отвел войска к Москве. Французы потеряли около трех тысяч человек убитыми, ранеными и пленными и два десятка орудий. Результат получился скромнее, чем в моем мире, хотя и наши потери оказались вдвое меньше. Но даже такая победа воодушевила армию. Умный царедворец Кутузов использовал ее на все сто. Написал победную реляцию царю, представив к наградам всех участвовавших в сражении офицеров, приказал притащить в русский лагерь для всеобщего обозрения трофеи, в том числе пленных. Дескать, смотрите: бьем французов! Боевой дух русской армии воспарил на небывалую высоту. Только светлейший прекрасно понимает, что с неподготовленной армией и с таким начальником Главного штаба он французов не побьет. Если колонны в знакомых местах ухитрились заблуд-

диться, чего ждать на других театрах действия? Оттого он и в моем времени не рвался давать сражение отступавшей армии Наполеона, справедливо полагая, что от голода и холода «La Grande Armée» вымрет скорее, чем от пуль и ядер. Хотя из Петербурга светлейшего торопят и шлют планы предстоящей кампании. Александр I предлагает навалиться на Бонапартия силами трех армий: Западной Кутузова, Южной Чичагова и Северной Витгенштейна. Скоординированным ударом двух последних перерезать супостату пути отступления из России, а затем навалиться всем троим и сделать узурпатору Сталинградский котел. На бумаге выглядит красиво, только как осуществить на практике? Средства связи в этом времени – курьеры на лошадях. Если с Витгенштейном Кутузов может снестись относительно быстро, то до Чичагова посыльным скакать и скакать. Пока привезут приказ, обстановка может кардинально измениться, и Кутузов это прекрасно понимает, хотя царю не возражает, туманно отвечая, что сделает все возможное. Так, по крайней мере, было в моем времени.

Ладно, то забота высокого начальства – не моего, капитанского, ума дело. Весть о том, что французы пойдут на Малоярославец, я до Кутузова довел, и он, вроде, поверил, а вот как поступит, не знаю. Надеюсь, не придется, как в моем времени, биться за жалкий городишко с населением в полторы тысячи человек, заваливая улицы горами трупов. Мне бы со своими проблемами разобраться. По возвращении из

Москвы мой полковой командир и друг Спешнев дал капитану Руцкому под начало батальон. Неплохой карьерный рост, если вспомнить, что в своем времени я был сержантом запаса, а здесь начал войну вольным стрелком в егерской роте. Но высокая должность предполагает такую же ответственность. Под моим началом полтысячи человек. Большинство из них – новобранцы из московского ополчения. Строй знают плохо, стреляют – того хуже. Русское егерское учение в этом времени довольно передовое, но требует долгой подготовки. Егерь должен уметь не только метко стрелять и быстро заряжать ружье, но и слаженно действовать в рассыпном строю, парами и в одиночку. И вот как обучить этому в короткий срок? Хотя новобранцы, нужно отдать им должное, стараются. Боевой дух на высоте. Они знают о сгоревшей Москве и том, что там вытворяли французы. Рвутся мстить. Только это нужно уметь...

– Ваше благородие! Дозвольте обратиться!

Поднимаю глаза от котелка. Передо мной замер солдат в сером мундире и фуражной шапке – новобранцев не успели переодеть в зеленую егерскую форму. Мои тоже в сером ходят, и на пегий строй, когда ветераны и новобранцы стоят вместе, смотреть больно.

– Обращайся.

– Их высокоблагородие подполковник Спешнев приказывают прибыть к нему.

Ага, посыльный.

– Передай господину подполковнику, что непременно буду. Вот только кашу доем.

В глазах солдатака изумление и испуг. В его представлении полковой командир – некто вроде живого бога, чьи повеления следует исполнять немедленно, желательно бегом. А тут офицер младше чином позволяет себе... Отсылаю посыльного жестом руки. Это для него Спешнев бог, для меня же – друг и товарищ, хотя и командир, конечно. Ничего срочного у Семена быть не может. Откуда знаю? Так у его избы, которая хорошо видна от моей палатки, царила бы суета. Но таковой не наблюдается, следовательно, и беспокоиться незачем.

Отставляю в сторону котелок. Каши осталось еще много, но я сыт. Остатки Пахом доест – это его порция. Пахом подносит второй котелок с заваренным прямо в нем чаем. Он успел отстояться, листочки осели на дно. Несколько глотков. Чай без сахара, но все равно вкусный. Это не пыль в пакетиках, которую я потреблял в своем времени. За чай маркистанты дерут безбожно, но я не экономлю. Ставлю теплый котелок рядом с тем, в котором каша, – денщик допьет. Пахом подает кивер и перевязь с палашом. Мне, как пехотному офицеру, положена шпага, но я, вспомнив прочитанную в своем времени книгу о приключениях стрелка Шарпа, поручил денщику раздобыть палаш. Герой Корнуэлла¹¹ выбил-

¹¹ Бернард Корнуэлл, популярный английский писатель, автор десятков исторических романов, в том числе о приключениях стрелка Шарпа.

ся в офицеры из рядовых (что, к слову, в Британии великая редкость, в отличие от России) и не умел фехтовать, поэтому и выбрал такое оружие – простое и смертоносное. Из меня тоже фехтовальщик как из песка пуля, вот и озаботился. Пахом поручение выполнил, купив у казаков французский кирасирский палаш модели «XI», то есть с двумя долами на клинке. Сделали их для облегчения оружия, но все равно палаш в железных ножнах весит около трех килограммов. Наплевать – силой меня бог не обидел, да и передвигаюсь я большей частью верхом. Зато клинок перерубает деревце толщиной с мое запястье, если, конечно, ударить наискось – проверял. В бою, если дойдет до рукопашной, придется к месту. Это не шпажкой тыкать.

В полковой избе, кроме Спешнева, обнаружились несколько незнакомых офицеров в новеньких мундирах, которые при моем появлении вытянулись в шеренгу. Скользя взглядом по юным лицам – салажня, я бросил ладонь к киверу.

– Здравия желаю, господин подполковник! Командир батальона капитан Руцкий прибыл по вашему приказанию.

– Здравствуйте, господин капитан! – кивнул Семен. – Проходите, знакомьтесь. Командир дивизии прислал нам офицеров на вакантные места в полку, общим числом шесть. Вам, как Георгиевскому кавалеру, предоставляю право выбрать первому. Разрешаю взять троих.

Ага, Паскевич внял нашим просьбам и похлопотал. Рота-

ми в моем батальоне командуют офицеры из унтеров, двое из которых произведены в чин после Бородинской битвы. Службу знают хорошо, но не хватает знаний. Один и вовсе неграмотный. Наличие толкового субалтерна¹², хотя бы одного в роте, лишним не будет.

– Благодарю, господин подполковник, – отвечаю Спешневу и поворачиваюсь к офицерам. – Представьтесь, господа. Начнем с вас, – указываю на правофлангового.

– Прапорщик Козлов!

– Имя, отчество?

– Иван Викторович.

– Полных лет?

– Семнадцать.

М-да...

– Вы? – указываю на следующего.

– Прапорщик Плетнев Георгий Матвеевич, – и тише: – Шестнадцать лет.

Они б еще из детского сада прислали... В солдаты берут рекрутов возрастом от 18 до 35 лет, а вот офицером можно стать и в 12 – это если ваш папа вельможа и ухитрился записать сына в полк ребенком. Я, однако, не предполагал, что детей станут отправлять на войну. Дальнейший опрос подтверждает подозрения: самому старшему из офицеров 18 лет. Подбородки и щеки прапорщиков явно не ви-

¹² Субалтерн – младший офицер, помощник командира роты, эскадрона, батареи в то время.

дели бритвы, зато румянца полно. И вот как с такими воевать?

– Кто из вас, господа, бывал в бою?

Молчат. Ясно.

– Как давно произведены в чин?

– Месяц назад, – отвечает ломким баском Козлов.

– Все?

– Так точно. Мы из одного полка, были унтерами.

Понятно. Обычный путь дворянских сыновей из небогатых семей, Спешев тоже так начинал. Три месяца в унтер-офицерах, после чего первый офицерский чин. Строю и ружейным приемам их обучили – и на том спасибо.

– Кто умеет ездить верхом, поднимите руки!

Ага, все. Для помещичьих детей это норма.

– Кто знает французский?

Глаза в пол. Никто. Ясно: бедному дворянину, особенно в провинции, не на что нанять учителя детям.

– Кто стрелял из штуцера?

Двое. Козлов и Плетнев. После колебания руку тянет коренастый прапорщик с пушком на верхней губе. Тутолмин его фамилия, если не ошибаюсь. Имя и отчество как у Брежнева – Леонид Ильич.

– Что так робко, господин прапорщик? Стреляли или нет?

– Пару раз, господин капитан. Батюшка штуцер сильно берег и не позволял мне брать. Обычно из ружья палил.

– И как?

– На пятьдесят шагов кабана валил одной пулей.

– Так вы у нас охотник?

– Так точно, господин капитан! Сызмальства.

– Кто еще?

Руки тянут Козлов и Плетнев. Ясно.

– Что ж, беру этих троих.

Это я Спешневу.

– Забирайте! – кивает он. – Сами определите, в какой роте кому служить. Подадите мне список.

– Слушаюсь! Разрешите идти?

– Идите.

Наедине мы с Семеном обходимся без официоза. Но сейчас нельзя – молодежь смотрит.

– За мной... – командую, чуть не сказав: «Малышня». – Господа.

В сенях прапорщики подхватывают с пола ранцы, привычно размещая их за спинами.

– Это все ваши вещи? – спрашиваю.

– Так точно, господин капитан! – отвечают нестройно.

Понятно. Беднота.

– Лошадей, как понимаю, нет?

В ответ смущенные улыбки. Глупый вопрос. Верховая лошадь стоит от ста рублей, и это самая неказистая. Вьючная подешевле, но у пацанов и столько нет. У прапорщика жалованье 125 рублей в год, да и эти деньги они увидят не скоро. Жалованье выдают трижды в год, я свое первое получил на

днях.

– Дадим. Я не зря спрашивал об умении ездить верхом. У нас конный батальон.

– Как же так? – удивляется Козлов. Он, похоже, самый бойкий из троих. – Нам говорили, что служить будем в обычном егерском полку.

– Полк пехотный, но мой батальон конный. И артиллерия своя имеется. Пять пушек. Слыхали о таком?

Крутят головами. Да, учить их еще и учить.

– Голодны?

– Спасибо, нас накормили, – поспешил Козлов.

– Тогда идемте.

Отвожу пополнение к своей палатке, усаживаю на попону. Сам устраиваюсь на седле.

– Итак, господа. Вакансий у меня в батальоне много. Должности субалтерн-офицеров свободны все. Свободно место младшего офицера при командире батальона. Есть желающие его занять?

Молчат. Ясно: воевать рвутся.

– Что ж, пойдете субалтернами. Уведомляю, что ваши ротные командиры из унтеров. Один из солдатских детей, двое – из крепостных. Из последних один неграмотен. Вы, как понимаю, потомственные дворяне?

Кивают.

– Предупреждаю, что не потерплю пренебрежительного отношения и, тем более, насмешек в отношении ротных ко-

мандиров. Они стали дворянами, получив чин, но, в отличие от вас, выслужили его кровью. Прошли не одно сражение, бились под Салтановкой, Смоленском и Бородино. Все отмечены знаком Военного ордена. Вам у них еще учиться и учиться. Понятно?

– Так точно, господин капитан! – подсказывает Козлов. – Не сомневайтесь. Мне батюшка, отправляя на службу, говорил: «Унтера слушаться, как отца родного!»

– Мудрый у вас батюшка. Офицер?

– Штабс-капитан. Вышел в отставку, получив ранение под Фридландом. Нogu там потерял.

– Геройский у вас отец. Садитесь, прапорщик.

Козлов, довольно улыбаясь, опускается на попону. Приятно, что отца похвалили.

– Вопросы есть?

– Почему вы спрашивали про штуцера? – интересуется Тутолмин.

– Вы будете из них стрелять.

Парни переглядываются.

– Офицеру не положено, – басит Плетнев и добавляет смущенно: – Вроде.

– В линейной пехоте не положено, но вы прибыли в егерский полк, причем особый батальон, – поднимаю к небу палец. – У нас все стреляют, и я в том числе. От ваших шпаг в бою толку мало. Пахом, подай штуцер! – команду денщику, который примостился в сторонке и греет уши. Любопытный.

Денщик ныряет в палатку и возвращается со штуцером в руках. Жестом показываю отдать его прапорам. Штуцер идет по рукам. Пацаны во все глаза разглядывают оружие: взводят курок, открывают полку, заглядывают в дуло. Оружие, впрочем, держат правильно, не направляя ствол на людей. Обучили.

– Красивый, – заключает Тутолмин, возвращая мне штуцер. – И легкий. На заказ делали?

– Трофей. Принадлежал польскому шеволежеру. Кавалерийская модель, у французов карабином называется. Обратили внимание, что крепления для штыка нет? Получите такие же. Офицеру штык ни чему.

– Жаль, что заряжать долго, – вздыхает Козлов. – Пока забьешь молотком пулю...

– Мы не забиваем, – улыбаюсь. – Пули у нас особенные, продолговатые. При выстреле ее распирает пороховыми газами и вдавливают в нарезы. Одно плохо: те быстро забиваются свинцом. Но есть ершики из медной проволоки для очистки. Наловчитесь. Зато бросил пулю в ствол, прижал шомполом – и пали. А теперь идемте к батальону, господа. Видите, уже построили? Представлю вас офицерам и нижним чинам. Осталось только распределить по ротам.

– Можно мне к командиру, который неграмотен? – вскакивает Тутолмин.

– Почему к нему? – удивляюсь.

– Научу его читать и писать, – выпаливает прапорщик. –

У меня это хорошо получается, господин капитан, младших братьев учил. Отец хвалил.

Он краснеет. Ну, да, похвастался. Однако молодец.

– Похвально, Леонид Ильич. Постарайтесь научить. Неграмотные офицеры в батальоне не нужны. Пойдете в третью роту. Козлов – в первую, Плетнев – во вторую.

– Слушаемся, господин капитан! – отвечает пара, вскакивая.

Встаю и сам.

– А вы расскажете нам, господин капитан, за что орден получили? – влезает Тутолмин.

– Расскажу, – киваю. – Как-нибудь потом.

* * *

Поздним вечером юные офицеры лежали на матрасах в выделенной для них палатке и тихо разговаривали, обсуждая события прошедшего дня.

– Ну что, господа прапорщики, – поинтересовался Козлов, – как вам показался полк и командиры?

– Ты о Спешневце или Руцком? – уточнил Тутолмин.

– Обоих. О ротных тоже.

– По-моему, нам повезло, – сказал Тутолмин.

– Объясни, – потребовал Козлов.

– Когда в штабе дивизии сказали, что пойдем в номер-

ной¹³ егерский полк, я, признаться, расстроился, – продолжил Тутолмин. – Чего хорошего там ждать, думал. А здесь поговорил с ротным, унтерами и понял, что ошибался. Геройский полк, и офицеры такие же. Полковой командир эту кампанию ротным начинал в чине штабс-капитана. Под Салтановкой храбро бился, две трети людей потерял и отбился от полка, оказавшись в тылу неприятеля. Выводил роту к Смоленску. По пути егеря подобрали Руцкого, найдя того при дороге с разрубленной головой и совсем голым.

– Да ну! – приподнялся на локтях Козлов. – Это кто ж его так?

– Французские гусары. Рубанули саблей по голове и обо-
брали до нитки.

– Вот нехристи! Офицера!

– Он тогда статским был. Наш батальонный командир –
лекарь по образованию, в Могилеве практиковал. С прихо-
дом французов убежал из города и направился к своим. Гу-
сары догнали.

– Невероятно! – потрясенно сказал Козлов. – Как же он
из лекарей в офицеры пробился, да еще в такие чины?

– Государь пожаловал за подвиги. Руцкий еще на пути к
Смоленску показал себя знающим в военном деле. Не дохо-
дя до города, егеря Спешнева побили роту польских шевов-

¹³ Егерские полки в русской армии того времени за редким исключением не имели собственных имен (например, Финляндский), а числились под номерами, в отличие от обычных пехотных. Служить в них было не престижно.

лежеров – да так, что почти никто не ушел. Штуцера, что нам выдали, с поляков взяты. А придумал, как их побить, Руцкий. Предложил заманить в засаду и покрошить. Так и вышло. Пушки видели? Трофейные, тоже Руцкий захватил. Егеря Спешнева славно бились под Смоленском и в самом городе, затем – на Семеновских флешах под Бородино. Орден нашему батальонному командиру за это дело пожаловали.

– А что ж остальных обошли? – удивился Козлов.

– Чинами взяли. Спешнев – ныне подполковник, хотя три месяца тому в штабс-капитанах ходил. Твой ротный – подпоручик, а перед Бородино был прапорщиком, до того – и вовсе фельдфебелем.

– Мне не говорил, – пожаловался Козлов.

– Он не больно речист, – улыбнулся Тутолмин. – Но мой ротный твоего Сеницына очень хвалит. Говорит: такого толкового офицера поискать. И фельдфебелем был справным. Солдаты за ним горя не знали: всегда сыты, обуты и одеты. В бою смел, но на рожон не лезет и другим не позволяет.

– Где лекарь так научился воевать? – задумчиво спросил Козлов.

– У французов, – подключился Плетнев. – В армии Бонапарта служил.

– А каких чинах?

– Военным лекарем при маршале Викторе в Испании. Там и посмотрелся. Но не схотел нехристям служить и сбежал в

Россию. Он ведь русский князь.

– Что-то не знаю я князей Руцких! – хмыкнул Козлов.

– Так он бастард, князя Друцкого-Озерского сын. Оттого фамилия сокращенная, и титул не наследовал. Однако солдаты в батальоне его княжичем зовут и очень любят. Говорят, кабы не Руцкий, до Смоленска не дошли бы. А так и там славно повоевали, и под Бородино уцелели. Не все, конечно, – Плетнев вздохнул. – Но на Семеновских флешах полки в одночасье сгорали, трупы горами высились. Мне это унтер рассказал, он до Бородино в Астраханском гренадерском числился. Так их полк во флешах, считай, весь лег во главе с командиром, а батальон Спешнева менее половины людей потерял, хотя сдерживал французов несколько часов, пока резервы не подоспели.

– Как им удалось? – удивился Козлов.

– Стреляли метко. Руцкий запрещает офицерам о штыках даже думать. Говорит: поражать врага следует только огнем.

– А коли подойдет близко?

– Отойти на дистанцию действенного огня и продолжить поражать неприятеля, – процитировал кого-то Тутолмин. – Штыки применять в крайнем случае, когда деваться некуда.

– Нас такому не учили.

– Не только этому, – вздохнул Тутолмин. – Посмотрел я на сегодняшнее учение батальона и понял, что придется, почитай, науку воинскую наново постигать.

Юные прапорщики замолчали, признавая справедливость этих слов.

— А вот я бы от ордена не отказался, — мечтательно сказал Плетнев. — Чин — ладно, его выслужить можно, но орден лучше. Хотя бы Анну третьего класса. Приехать бы в отпуск в имение с алым крестом на шпажной чашке...

— И все барышни твои! — засмеялся Козлов.

— Это точно! — поддержал Тутолмин. — Только я так думаю, ребята, орденов нам еще долго не видать. Чтобы так, как Рущкий, воевать, много пота пролить надобно.

Товарищи его в ответ только вздохнули. Никто из них не подозревал, насколько они ошибаются.

2.

История – вещь неповоротливая. Москва здесь сгорела, как и в моем времени, а теперь и выдвижение Наполеона к Малоярославцу прохлопали. Вернее, заметили, но слишком поздно. А ведь предупреждал! Целую сцену перед Кутузовым разыграл. Нет, зевнули...

Вечером меня со Спешневым срочно вызвали к командиру дивизии. Прибыв в штаб Паскевича, мы увидели там командиров полков и бригад. Из батальонных я был один, чему удивился. Но посыльный передал, что ждут Спешнева и Руцкого. Это к чему? Загадка разъяснилась скоро.

– Тревожная весть, господа, – объявил Паскевич, когда все собрались. – Наша разведка обнаружила неприятеля на Новой Калужской дороге. Удалось установить, что это не какой-то отвлекающий маневр, а основные силы Бонапарта. Нет сомнений, что он движется на Калугу, где сосредоточены магазины с провиантом нашей армии. Объяснять, что случится, если французы их захватят, излишне. Да и пускать неприятеля в глубь русских земель... Хватит с нас сожженной Москвы.

При этих словах лица офицеров посмурили. О сгоревшей Москве в Тарутино знали хорошо.

– Где в последний раз видели французов? – спросил командир первой бригады полковник Липгард.

– В Боровске, – вздохнул Паскевич.

Кто-то за моей спиной удивленно присвистнул.

– Утром они будут в Малом Ярославце, – кивнул Паскевич. – А наших войск там нет, совсем. Оборонять некому. Сейчас туда спешно идет шестой корпус Дохтурова. Но он перед тем проделал длительный марш к Фоминскому, где намеревался дать бой, как тогда полагали, фуражирам французов. Однако на месте выяснилось, что силы неравны. Против корпуса Дохтурова – вся армия Бонапарта. К Малому Ярославцу выдвигаются колонны Бороздина и Лаврова в составе четырех пехотных корпусов и двух кирасирских дивизий. Но идти им долго. Прошедшие ливни размыли дороги, переправы плохие. Есть сомнения, что успеем. В Ярославец уже ушли казаки Платова, но, сами понимаете, господа, город им не удержать. Казаки хороши в набеге, против пехоты не устоят. Если враг захватит Малый Ярославец, выбить его оттуда будет трудно.

– А куда пойдем мы? – спросил командир второй бригады Ладыженский.

– Седьмой корпус получил приказ выступать первым, наша дивизия пойдет во главе колонн. Поднимайте людей, господа, выступаем через час. Все, что замедляет движение, оставить в лагере. Я лично поведу дивизию. Не задерживаю вас более. Подполковник Спешнев и капитан Руцкий, оставайтесь.

– Вот что, господа, – сказал генерал, когда остальные офи-

церы ушли. – Главнокомандующий просил нас поспешать изо всех сил и, по возможности, не дать неприятелю захватить Малый Ярославец. Если таковое случится, Бонапарт может не дать возможности преградить ему путь на Калугу. Нужная для сражения позиция расположена в двух верстах за городом. Там возвышенность, которую удобно оборонять, ее заранее разведаль генерал-квартирмейстер светлейшего. Если позицию займут французы, придется атаковать их снизу. Потери встанут огромные, да и исход дела неясен. Дивизия будет идти так скоро, насколько возможно, но пеший солдат не сравнится с всадником. А у нас есть конный батальон, – Паскевич посмотрел на меня. – Приказываю вам, капитан Руцкий, выступить первым и к рассвету занять Малый Ярославец. Делайте что хотите, но неприятель не должен вступить в город. Для подкрепления возьмите все пушки, что есть в полку.

– Они не смогут двигаться наравне со всадниками, да еще по раскисшей дороге, – возразил я.

Не вру: пушки в этом времени не способны ехать быстро – не выдержат оси и колеса.

– Они у вас легкие, – не согласился Паскевич. – Можете взять запасных лошадей для упряжек, таковые имеются. Давеча целый табун пригнали. Я уже распорядился оказать в этом полное содействие. Будете выпрягать уставших коней и заменять их свежими.

– Все равно отстанут, – вздохнул я.

– Значит, остановите неприятеля без орудий, – жестко сказал генерал. – Понадобится – костями ляжете, но враг войдет в город только по вашим трупам. Это ясно, капитан?!

– Так точно! – вытянулся я.

– Не задерживаю. Подполковник, – Паскевич посмотрел на Спешнева. – Проследите.

– Слушаюсь! – отпраповортовал Семен.

– С чего тебе вздумалось спорить с генералом? – спросил Спешнев, когда мы вышли наружу.

– Потому что этот Малый Ярославец на хрен никому не встал, – раздраженно отозвался я. – За ним хватает холмов для хороших позиций. Дело не в нем. Я ведь говорил светлейшему по возвращении из плена, что Наполеон пойдет по Новой Калужской дороге на Малый Ярославец – своими ушами в штабе Даву слышал. И что теперь? Класть людей из-за чьей-то глупости?

– С приказом не спорят, – вздохнул Семен. – Ты уж постарайся, Платон! Удача тебя любит. Вон как из плена ловко вывернулся! В конце концов, ты должен быть благодарен: Паскевич дает возможность отличиться. Орден получишь.

«Посмертно», – едва не сказал я, но вовремя удержался. Не поймут. Здесь возможность погеройствоваться ценится чрезвычайно высоко. Офицеры рвутся в бой, нередко гибнут зря, но других это не останавливает. Время такое. Для меня, человека двадцать первого века, это кажется дикостью. В моем времени воюют иначе. С помощью беспилотников вы-

явили расположение войск противника, выдвинули системы залпового огня и накрыли ракетами. Остатки добили фронтальной авиацией и вертолетами, а пехота на БТР зачистила территорию. Только где ж хоть один «Смерч»¹⁴ взять? Да что «Смерч»! Я бы от простейшего ПКМ¹⁵ с десятком банок по 250 патронов не отказался. Врезать бы по плотным колоннам французов... Мечты, мечты.

В батальоне я собрал офицеров и быстро объяснил задачу. По тому, как загорелись глаза субалтернов, понял, что мальчишки в восторге. Им предстоит сражение! Ну, ну. Посмотрим, что запоете после ночного марша! А вот лица ротных были серьезны – понимают, что предстоит.

– Обязательно прикажите солдатам надеть на замки нагалища¹⁶, – предупредил я. – Ружья держать разряженными. Ночью возможен дождь, а нам, скорее всего, придется сходу вступить в бой. Если у кого в ружье отсыреет порох, и оно не будет стрелять, виновный получит шпицрутен¹⁷.

– Будет сделано, господин капитан! – ответил за всех командир первой роты Сеницын.

Ну, Антип Потапович не подведет, хотя предупредить стоило. Егеря из ветеранов сами догадаются с нагалищами,

¹⁴ «Смерч» – советская и российская система залпового огня.

¹⁵ ПКМ – пулемет Калашникова модернизированный.

¹⁶ Нагалище – ружейный чехол, закрывавший замок от влаги и пыли.

¹⁷ Шпицрутен – длинный, гибкий, толстый прут из лозы, применявшийся для телесных наказаний в армии того времени.

а вот новобранцы – вряд ли.

Отправив офицеров командовать сбором, я направился к артиллеристам. Наш егерский полк, вопреки обычным штатам, имеет в своем составе две артиллерийские роты из пяти и четырех пушек соответственно – по одной на батальон. Орудия – трофейные шестифунтовки. Одни взяли еще под Смоленском, другие – не доходя Бородино. Там, кстати, попал к нам в плен командир одной из батарей капитан фон Бок – пруссак на службе Вестфальского короля. Еще в первый день плена он выразил желание перейти на русскую службу, и эту просьбу удовлетворили, позволив пруссаку сформировать артиллерийскую роту из таких же пленных немцев. Несколько дней назад это необычное подразделение определили к нам в полк. Я, признаться, думал, что немец не найдет общего языка с моим командиром батареи Ефимом Кухаревым, с которым познакомился по пути в Смоленск в имении графини Хрениной, где отставной фейерверкер с искалеченной ногой доживал свой век на попечении вдовы генерала. После боя с польскими шеволежерами, в котором Ефим точно положил картечь в толпу поляков, он захотел вернуться на службу и увязался с нами. Проявил себя так, что дослужился до подпоручика. «Фон Бок старше Кухарева чином, почти не говорит по-русски, а Ефим не знает немецкого – как они поладят?» – думал я и ошибся. Когда через день после прибытия немецкой роты я спросил Ефима, как ему фон Бок, услышал в ответ:

– Хороший человек! Душевный.

Меня это изумило. Я попросил денщика разузнать, как наш хромец общается с немцем, и вот что услышал. Оба артиллериста сошлись на почве любви к русской водке. Она здесь, к слову, не такая, как в моем времени. Во-первых, некрепкая – где-то градусов двадцать. Точнее не скажешь – спиртометров-то нет. Во-вторых, у нее сладковатый вкус и сильный аромат хлеба. Пить можно, не закусывая, чем фон Бок с Кухаревым и занимались. Сидели за столом друг напротив друга, опрокидывали в рот жидкость из кружек, закусывая это дело дымом из трубок. После чего расходились, не сказав друг другу за весь вечер ни единого слова. Душевно сидели¹⁸.

Артиллеристы выслушали меня, не перебивая.

– Ваша задача – доставить артиллерию к городу как можно скорее, – сказал я сначала по-русски, а затем повторил по-немецки. – Если пушка застрянет в грязи, или у лафета отвалится колесо, бросайте без жалости. Потом подберем. Скорость, скорость и еще раз скорость. Приведите к Ярославцу хотя бы половину орудий, без них батальону конец. Ясно?

Оба офицера кивнули.

– Вопросы?

– Ядра брать? – спросил фон Бок.

¹⁸ Именно так пьянствовал русский атаман Платов с прусским фельдмаршалом Блюхером. Немецкого Платов не знал, а Блюхер не говорил по-русски. Поэтому пили молча. «Душевный человек!» – так отзывался о пруссаке казачий атаман. ☺

– А у вас есть? – удивился я.

– Были в зарядных ящиках, когда ваш подполковник Давыдов захватил в плен вестфальскую артиллерийскую роту. Там и лежат. Здесь такого калибра не найти. А вот картечи мало – не успели получить у интендантов.

– Берите! – сказал. – Пригодятся.

– О чем это он? – спросил Кухарев.

Я перевел.

– Пусть поделится со мной ядрами, а я ему дам картечи, – предложил Кухарев.

– Яволь! – кивнул фон Бок, когда ему перевели просьбу коллеги. На том и расстались.

А потом был марш... Не буду описывать его подробно – слов нет, один мат. Темнота, грязь, сыплющая с неба морось, бегущие по лицу холодные струи воды, запаленные хрипы лошадей... К полуночи все промокли до нитки – от дождя и пота. Мне в бурке было легче, чем солдатам и офицерам в шинелях, но все равно ругался подобно алкоголику, у которого отобрали недопитую бутылку. Два десятка солдат – все из новобранцев, запалили лошадей, а запасных мы не брали, чтобы не увеличивать сутолоку. И без того ее хватало – часть-то не кавалерийская. Трое коней сломали ноги, и их пришлось пристрелить. Но, безжалостно бросая на дороге отставших, мы двигались вперед. Тяжело далась переправа через Протву – именно там сломали ноги лошади. Реку переходили по броду, а посреди него оказались ямы. Днем бы

увидели, а вот ночью как? Хорошо, что с нами были проводники из казаков – без них бы заплутали и ни за что не вышли бы к Малоярославцу в срок. А так сумели.

В город вошли с южной стороны и пересекли его по пустынным улицам, освещаемым тусклым светом утренней зари. Солнце пряталось за облаками, отчего все вокруг казалось серым, как и состояние моей души. Город... Деревянные домишки, крытые дранкой и соломой, покосившиеся заборы, подслеповатые окна. Лишь на окраине нашлось каменное здание монастыря. Батальон миновал Малоярославец и по моей команде встал за северной околицей. Я достал из сумки подозрную трубу и оглядел противоположный берег Лужи. Противника не видать – успели.

– Офицеры, ко мне! – приказал, спрятав трубу.

Спустя несколько секунд шесть всадников встали передо мной. Я окинул их быстрым взглядом. Ротные выглядят прилично, хотя по посеревшим лицам видно, что марш дался им тяжело, а вот субалтерны с трудом держатся в седлах. Но не отстали, молодцы.

– Позицию займем здесь, – сказал я, указав на берег перед городом. – Прикажете солдатам спешиться и расседлать лошадей. Коноводы пусть напоят их и обиходят, а затем перегонят на другой конец города. Солдатам привести себя и оружие в порядок, перекусить и отдыхать. Субалтернам – тоже, – я глянул на юных прапорщиков – не станут ли ерепениться, но те даже не пикнули. Вымотались. – К вам прось-

ба, Антип Потапович, – повернулся я к Синицыну и указал рукой. – Видите мост? Его нужно сжечь.

– Дожди шли, – задумчиво сказал Синицын. – Бревна сверху наверняка мокрые. Не загорится.

– Тогда развалите его!

– Инструмента нет. Все лишнее в лагере оставили, а тесак-ком бревно не скovyрнуть.

М-да, не подумал. Ладно.

– Видите монастырь? – указал я рукой. – У монахов наверняка есть лампадное масло. Заберите все запасы, полейте бревна и подожгите. Разгорятся.

– А коли не дадут? – засомневался Синицын. – Не забирать же силой.

– Объясните, что сюда идут антихристы. Они разорят обитель, устроят в храме конюшню, а то и отхожее место, как то делали в Москве. Если настоятель не хочет поругания, пусть помогает.

– Слушаюсь, господин капитан! – козырнул Синицын и ускорился.

Я отпустил офицеров и подъехал к проводникам-казакам. Они стояли неподалеку, спешившись, но не расседывая коней. Ждали.

– Спасибо, братцы! – сказал я и протянул старшему десятирублевую ассигнацию. Обещал перед маршем, если выведут батальон к городу до рассвета, заплатить. Слово надо держать.

– Благодарствуем, ваше благородие! – сказал казак, и банкнота исчезла за пазухой его форменного кафтана.

– Где тут ваши стоят? – поинтересовался я.

– Там! – он указал рукой на восток.

– Передай своему командиру мою просьбу. Скоро здесь будет француз. Нужно поговорить насчет предстоящего сражения.

– Сделаю, ваше благородие, – кивнул казак и заскочил в седло. Его примеру последовали спутники, и через минуту все трое скрылись за домами. Я занялся собой. С помощью денщика умылся, пожевал хлеба с салом, запил водой. Бриться не стал. Двух-трехдневная щетина здесь считается нормой и не вызывает неприятия даже в Петербурге, если ты, конечно, не на званный вечер или не на аудиенцию к царю пришел. А я на войне.

После ночной скачки ломило тело и тянуло в сон, но усилием воли я прогнал желание отдохнуть. Не время. Осмотрел штуцер, протер его ветошью от влаги. Заряжу позже, противника пока нет. Поручив оружие Пахому, прошелся берегом, определяя вероятные направления атаки противника. Перед Лужей со стороны города – обширный луг, за ней – тоже. Трава скошена, кое-где торчат копны сена. Такое пространство батальону не удержать, тут и полка мало. Река не широкая, но, судя по виду, не мелкая. Берега густо поросли деревьями и кустарником. Их не вырубают – видимо, запрещает местная власть, иначе давно бы растащили на

дрова. Брода явно нет, иначе зачем мост? Насколько помню, в авангарде у французов идет корпус Богарне, а в его составе есть итальянская дивизия, которая наводила через Лужу переправы. Если хлынут по ним на всем протяжении перед городом, не устоим. Сомнут и раздавят. Обойти нас с флангов – как два пальца об асфальт. Куда ни кинь – жопа. Необходимо задержать противника хотя бы до полудня. К тому времени Кухарев и фон Бок подтянут пушки – с артиллерией точно отобьемся. А если не подтянут? Думать об этом не хотелось. Когда подойдут Дохтуров с Раевским, сказать трудно. Сведений об этом я не помнил, да и обстоятельства поменялись. В моем времени Дохтуров вышел к Малоярославцу в ночь на 12 октября по старому стилю и обнаружил город занятым итальянцами. Сегодня 16-е, а противника не видать. Даты сместились. Наполеон занял Москву позже, чем в моем времени, и покинул аналогично. Хорошо это или плохо? Это – смотря кому. Для французов однозначно катастрофа – под морозы угодят раньше. В моем времени ад для них начался после Смоленска. Но и нам придется нелегко – морозы не делят людей на своих и чужих. Хотя, как говорили в лагере, интенданты активно завозят в магазины полушубки и валенки – армия готовится воевать зимой. Для Европы такое непривычно, а вот русским вполне...

Показавшаяся от города процессия отрешила меня от этих размышлений. Во главе цепочки людей, направлявшихся к бивуаку батальона, шел Сеницын, ведя на поводу ло-

шадь. Рядом вышагивал высокий, худой монах с крестом на груди поверх епитрахили¹⁹. Иеромонах²⁰, возможно – сам настоятель. Следом поспешали молодцы в рясах без крестов. В руках они несли кирки, ломы и какие-то бутылки. Я немедленно выдвинулся навстречу.

– Здравствуйте, отче! – поприветствовал монаха первым и снял с головы кивер. – Благословите.

– Здравствуй, чадо! – густым басом ответил монах и перекрестил меня щепотью: – Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, – после чего продолжил: – Твой офицер, – он указал на Синицына, – поведал, что сюда идут полчища антихристов. Это так?

– Верно, отче, – подтвердил я, возвращая кивер на голову.

– Чтобы их остановить, нужно разрушить мост?

– Непременно.

– Займитесь, дети! – велел монах сопровождавшим его послушникам. Те поклонились и поспешили к мосту. Остался один, с серебряной чашей в правой руке. В ней плескалась вода и торчала деревянная рукоятка метелки из мочала. В левой послушник сжимал цепочку кадила, из которого струился ароматный дымок. – Я же, сын мой, хочу дать напутствие твоим воинам перед битвой, отпустить им грехи и благословить на бой. Вели всем встать и подготовиться.

¹⁹ Епитрахиль – церковное облачение в виде длинной ленты вокруг шеи и на груди священника.

²⁰ Иеромонах – монах, имеющий сан священника.

Будить задремавших солдат мне не хотелось, но куда денешься? Вера в этом времени – дело серьезное. Именно вера, а не религия. Нет, где-то в Петербурге заседает Святейший правительствующий синод, иерархи церкви делят посты и интригуют, но здесь, в глубинке, люди верят истово, с душой. Для них христианство – образ жизни. Оттого и нет у крестьян и солдат страха смерти, для них она – лишь порог перед жизнью вечной. Я приказал Синицину поднимать людей.

Пока батальон выстраивался, наблюдал, как послушники ломают мост. Мосты в этом времени делают просто. Вбивают в дно реки опоры из толстых бревен, на них укладывают балки, поверх настилают бревенчатый помост. И вот сейчас послушники курочили помост кирками и ломами, а бревна сбрасывали в реку. Закончив, полили балки маслом и подожгли. Огонь занялся споро, и вскоре остатки моста пылали. Замечательно! Если французы захотят восстановить, не выйдет.

Тем временем батальон выстроился, и я поспешил занять место на правом фланге. По моей команде солдаты и офицеры стащили с голов кивера. Монах двинулся вдоль строя, помахивая кадилом и творя молитву. Пройдя до конца, передал кадило послушнику и взял чашу. Шагая обратно, махал метелкой, щедро окропляя егерей святой водой. В этот момент к строю подскочил казачий есаул с тремя офицерами. Торопливо спешившись, они стащили с голов шапки с

султанами и встали с краю от меня. Получив свою порцию святой воды, широко перекрестились и поклонились монаху. А тот, отдав опустевшую чашу послушнику, подошел ко мне.

– Идем, чадо!

Я послушно последовал за монахом. Он привел меня к середине строя, где мы встали.

– Не могу опросить каждого, будешь отвечать за всех, – сказал монах. – Говори громко, чтобы все слышали. Как имя твое?

– Платон.

– Грешен ли ты, раб Божий Платон?

– Грешен, – подтвердил я.

– Каешься ли в грехах своих?

– Каюсь, – я склонил голову.

Монах накиннул на нее епитрахиль.

– Отпускаю тебе, раб Божий, грехи твои, а также всем воинам твоим. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Монах снял епитрахиль и протянул мне крест. Я приложился к нему, после чего выпрямился и надел на голову кивер.

– Слушайте меня, дети мои! – сказал монах, обращаясь к егерям. – Тяжкое дело вам предстоит – смертная битва с ворогом. Антихрист идет сюда, чтобы поругать наши святыни, жечь, грабить и убивать. Не попустите этого. А коли доведется скончать живот свой, то чистые души ваши угодят сразу на небо, минуя мытарства. Ибо сказано в писании: «Нет

больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Благословляю вас, дети мои!

Монах перекрестил батальон и пошел вдоль строя. При его приближении солдаты крестились и кланялись. По их осветлевшим лицам я видел, что не зря приказал всех разбудить. Теперь они не отступят и не побегут. Да и я с ними.

Я проводил монаха до конца строя, а затем осторожно тронул его за рукав рясы.

– Чего тебе, чадо? – повернулся он ко мне.

– Такое дело, отче. Если мы все тут ляжем, неприятель ворвется в город... Надо, чтобы жители ушли, да и вам бы советовал. Ни к чему попусту умирать. Дома, коли сожгут, отстроить можно, а вот людей не вернешь. Город превратится в пустошь.

– Ладно, коли так, – ответил монах. – Озабочусь.

Он кивнул и побрел к монастырю. Следом устремились послушники. А ко мне подошел есаул с казаками.

– Справный ты командир, капитан, – сказал, разгладив усы. – Первым делом на молитву людей поставил, грехи им отпустили. И мы с вами, стало быть, сподобились. Это по-нашему, по-православному. А то я, на тебя глядячи, подумал было, что немец какой. Мундир щегольский, сапоги блистющие – не полковые сапожники тачали. Кресты за что получил?

– Смоленск и Бородино, – ответил я.

– А я не сподобился, – вздохнул есаул, – хотя от самого

Гродно с Багратионом шел. До Москвы добежали в черных рубахах, поменять было никак. Ладно, капитан, давай знакомиться. Есаул Кружилин Егор Кузьмич, командир полка. А это мои сотники: Атарщиков, Заикин и Шебуняев.

– Капитан Рущкий Платон Сергеевич, командир первого батальона 42-го егерского полка.

– Атаман прислал меня к тебе в помощь. Поведай, Платон Сергеевич, как думаешь французов бить?

– Итальянцев тоже, – уточнил я. – На нас идет корпус Богарне, вице-короля итальянского. Под его началом французы и итальянцы.

– Нам без разницы, – сплюнул казак. – Что тех рубить и колоть, что этих.

– Сейчас своих офицеров позову, – предложил я. – Вместе обсудим.

– Значит так, господа, – продолжил, когда все собрались. – Неприятель придет с той стороны реки. Мост мы сожгли, брода нет. Итальянцы начнут ладить переправы – без того город им не взять, батальон будет им мешать в этом насколько возможно. Но пятью сотнями егерей весь фронт не прикроешь. Мало нас. Неприятель непременно обойдет с флангов. И вот тут задача для вас, Егор Кузьмич, – повернулся я к есаулу. – Помешать итальянцам построить переправу вы не сможете – для этого ружья нужны. Так что пусть ладят. А вот когда начнут выбираться на берег, берите их в пики и сабли. Удастся после того переправу разрушить – честь и хвала,

не получится – отскочили и спрятались за домами. Полезут опять – снова ударили.

– В первый раз, может, и выйдет, – почесал заросший подбородок есаул, – а вот во второй – вряд ли. Подтянут пушки и ударят картечью.

– Не будет у них пушек – отстали в грязи, как и наши.

– Точно знаешь? – Кружилин впился в меня взглядом.

– Сам увидишь, – хмыкнул я. А что? Так было в моем времени. Французы их не сразу подтащили, оттого Малоярославец и переходил из рук в руки в течение дня. – Хочешь отличиться, Егор Кузьмич? Вот тебе случай. Не позволим итальянцам перейти на этот берег – будет тебе слава, крест и дуван.

– А дуван откуда? – удивился казак.

– Они из Москвы идут, которую перед тем долго грабили. Смекаешь, чем у солдат ранцы забиты?

Кружилин переглянулся с сотниками и кивнул.

– Сделаем, Сергеич!

– Рекомендую расставить сотни в разных частях города.

– Не учи отца яйца чесать! – хмыкнул казак и взлетел в седло. Следом – его сотники. – Прощай, капитан! Даст Бог, свидимся.

Четверо всадников сорвались с места и скрылись за домами. Я проводил их взглядом. Надеюсь, есаул сдержит слово.

– Господин капитан, – вернул меня к действительности Синицын. – Про дуван вы верно знаете?

– Не сомневайтесь, Антип Потапович! – кивнул я. – Полно у них в ранцах добра.

Губы Синицына тронула улыбка. Знаю, что подумал бывший фельдфебель. Потапович заведует неофициальной батальонной кассой, которая пополняется за счет продажи трофеев. После Бородино касса опустела, а тут возможность пополнить. Синицын теперь офицер, его доля в добыче возросла. Есть шанс по окончании войны выйти в отставку с кое-каким капиталом. Вот и пусть думает об этом. Лучше, чем о том, что придется лечь костыми.

– А теперь, господа, – сказал я, – обсудим тактику наших действий...

* * *

Офицер подскакал к группе генералов в шитых золотом мундирах, восседавших на красивых, чистокровных лошадях, и бросил ладонь к киверу:

– Ваше королевское высочество! Русских войск на этом и противоположном берегу реки не обнаружено. Жителей в городе не наблюдается – похоже, ушли. Точнее выяснить не удалось – мост через реку сожжен, причем, недавно, опоры еще дымятся. Посылать людей на другой берег посчитал излишним – армию в кустах не спрячешь.

– Вы правы, капитан, – кивнул Богарне²¹. – Благодарю.

Разведчик вновь козырнул и, завернув лошадь, ускакал. Вице-король повернулся к одному из окружавших его генералов.

– Честь занять первым этот русский городишко отдаю вам, Дельзон²². Вы отличились в Московской битве, захватив Бородино, повторите этот успех.

– Благодарю, ваше величество, – поклонился генерал.

– Двух часов хватит? – спросил Богарне. – Успеете, генерал? – спросил он, пряча часы в карман жилета. – Неплохо было бы пообедать под крышей. Надоели бивуаки.

Генералы улыбнулись немудреной шутке.

– Не сомневайтесь, ваше высочество! – заверил Дельзон и, козырнув, умчался к себе в дивизию. Отдав нужные распоряжения, он вместе с братом Жаном-Батистом, служившим при генерале адъютантом, направился к берегу реки. Там Дельзон, спешившись, первым делом осмотрел мост – вернее, его остатки. Разведчик не соврал: сожгли недавно. Балки прогорели и упали в реку, опоры обуглились и еще тлели – быстро восстановить не получится. Это подтвердил и подъехавший к нему майор-сапер.

²¹ Эжен (Евгений) де Богарне, пасынок Наполеона, один из лучших генералов Бонапарта. Был вице-королем Италии (сам король – Наполеон), потому титуловался как принц.

²² Алексис Жозеф Дельзон, дивизионный генерал. Его стрелки первыми начали Бородинскую битву, выбив русских егерей из Бородино. Погиб под Малоярославцем.

– Наведем временную, наплавную переправу, господин генерал, – сообщил он, осмотрев остатки моста. – Свяжем плоты, прикрепим их к опорам, для устойчивости вобьем по сторонам в дно бревна. Даже пушки пройдут.

– Действуйте, – кивнул Дельзон.

Майор повернулся к своим саперам и прокричал команду. Бородатые солдаты в белых парусиновых фартуках, являвшихся составной частью их мундиров, скинули ранцы с плеч, взяли пилы и топоры и направились к густо растущим вдоль реки деревьям. Их было много, как и кустов – обычное дело для России. Дельзон видел это не раз. Осень стояла теплая, и листья на деревьях и кустарниках пожелтели частично. Последних было много – настоящие заросли. И вот почему бы этим русским не очистить берега реки хотя бы перед городом? А так срубили деревья и кустарники на десять шагов в каждую сторону от моста, чем и ограничились. Дикость! «Хотя нам это к лучшему, – подумал Дельзон. – Не придется посылать саперов в лес за бревнами. Повозок в дивизии мало, как и лошадей».

По обеим сторонам от генерала дружно стучали топоры и визжали пилы. Саперы ловко валили деревья, обрубали с них сучья, затем, распилив получавшиеся бревна под нужный размер, тащили их к остаткам моста. Здесь другие солдаты ловко вязали плоты, после чего, орудя вырубленными жердями, спускали их на воду и крепили к остаткам опор. Третьи, избежав на плот, вбивали с другого его края в топ-

кое дно тонкие бревна, заостренные с одного конца. Сначала – обухом топора, а затем – деревянной бабой с прибитыми к ней ручками. Наплавной мост рост на глазах и скоро приблизился к мосткам на противоположной стороне. Сюда, видимо, ходили из города стирать белье русские бабы. Один из саперов взобрался на мостки, его товарищ бросил ему конец веревки. Сапер ловко поймал его и побежал к берегу. Там он, зажав веревку в зубах, стал вбивать в берег кол, который перед этим держал под мышкой. Закончив, привязал к нему веревку. Бросив топор, вернулся на мостки, где товарищ подал ему еще один кол и конец веревки. С ними бородатый сапер поступил аналогично. Затем с присоединившимся к нему товарищем, упираясь ногами в землю, стал подтягивать ближний к нему плот. Когда тот коснулся берега, саперы привязали веревки к кольям, закрепив переправу. Делали они это настолько ловко, что Дельзон залюбовался.

– Алексис! – внезапно раздался крик брата.

Дельзон повернул голову. Брат указывал рукой на противоположный берег в стороне от наведенного моста. Генерал глянул туда и похолодел: над кустами и среди деревьев вырос строй солдат в зеленых и серых мундирах. В руках они держали ружья, из которых целились в генерала и саперов.

«Дьявол!» – еще успел подумать генерал, и это стало последней его мыслью. Сразу две пули пробили ему грудь, третья угодила в лоб. Дельзон умер мгновенно. Обливаясь кровью, рухнул его брат, падали и не вставали более с земли са-

перы. Те, что находились на переправе, сиганули в воду, но намокшие мундиры разом утащили их на дно. Тем временем выскочившие из-за кустов русские егеря перебежали по мосту на занятый французами берег, где дружными залпами отогнали всполошившуюся было пехоту неприятеля. Тем временем их товарищи собрали инструмент и ранцы убитых саперов. Не забыли про убитого генерала и офицера, забрав их шпаги, пистолеты и двууголку Дельзона. Бежавших лошадей ловить не стали – торопились. Покончив со сбором трофеев, русские ушли на свой берег, перерубив перед тем трофейными топорами связывавшие плоты веревки. Освободившиеся плоты поплыли по реке мимо ее заросших берегов. Переправа перестала существовать.

Вице-король и генералы согревались подогретым вином, когда от реки донеслась заполошная стрельба. Стреляли много и часто. Лица генералов вытянулись. Богарне отставил бокал и жестом подозвал адъютанта.

– Узнайте, что там! – приказал хмуро.

Адъютант вскочил на коня и ускакал. Пока он отсутствовал, вице-король молча ходил возле походного столика, заложив руки за спину. В этом он невольно подражал своему знаменитому отчиму. Отошедшие в сторонку генералы наблюдали за командиром корпуса, не решаясь завести разговор. Слуги и вовсе превратились в соляные столбы. Так продолжалось минут десять. Наконец, со стороны реки показался всадник. Подскакав, адъютант спрыгнул на землю и под-

бежал к Богарне.

– Ваше королевское высочество, – доложил, бросив ладонь к киверу. – Засада. Русские прятались в кустах и за деревьями, а когда саперы навели мост, открыли пальбу. Перевалив саперов, разрушили мост. Погиб генерал Дельзон и его адъютант Жан-Батист, – добавил офицер, понизив голос.

– Как?!

Богарне уставился на адъютанта.

– Генерал с братом наблюдали за строительством моста и угодили под залп, – ответил тот, поежившись.

– Черт! – выругался Богарне и повернулся к генералам. – Офицера, проводившего разведку – под суд! И... – он обвел взглядом подчиненных. – Пино²³! Вы замените Дельзона.

– Слушаюсь, ваше высочество! – поклонился генерал.

– Перед тем, как наводить переправы, проведите тщательную разведку местности. Отгоните русских от берега реки и не позволяйте им приблизиться. Можете взять в помощь 12-ю бригаду кавалерии. Лишней не будет. И не повторяйте ошибки Дельзона – у меня не так много хороших генералов.

– Понял, ваше высочество, – сказал генерал и, откозыряв, ушел.

Богарне извлек из жилетного кармана часы. Без четверти двенадцать. Его корпус заночевал в двух с половиной лье²⁴ от

²³ Доменико Пино, итальянский и французский генерал, командир 15-й итальянской дивизии в 4-м корпусе Богарне.

²⁴ То есть в 10 км.

этого жалкого русского городишки. Выступил с рассветом. К десяти часам они были у реки, а в полдень вице-король собирался захватить город и доложить об этом императору. Великая армия сейчас движется сюда. Бонапарт будет недоволен пасынком, узнав, что тот возится с какой-то жалкой кучкой русских. Тех не могло быть много – в кустах дивизию не спрячешь. Плохо. Остается надеяться, что Пино не подведет. Он отличный генерал, будет стараться.

Вице-король вернулся к столу и приложился к бокалу. Сморщился – вино остыло. Это ухудшило его и без того не радужное настроение.

3.

Тактику боя мне подсказало послезнание. В той Отечественной войне был эпизод, когда русский егерь, спрятавшись в зарослях на берегу Днепра, в течение дня не позволял французам наладить переправу. Чего только лягушатники не предпринимали: палили из ружей по кустам, стреляли по ним из пушек, но оставшийся неизвестным егерь, прячась, метким огнем отгонял саперов, пока его, наконец, не достали пулей. Французов это так впечатлило, что они похоронили героя с воинскими почестями. Вот я и решил... Несмотря на октябрь, листьев на кустах и деревьях на берегу Лужи хватало, чтобы укрыть батальон. Почему я, в отличие от егеря на Днепре, дал возможность французам построить переправу? Время. Его следовало тянуть как можно дольше. Мой батальон в сравнении с подошедшим корпусом Богарне – мошка, смахнут и не заметят. Рисковал, конечно, но на войне риск – обычное дело. Получилось. Перестреляв не ждавших такой подлянки саперов и их начальство, егеря собрали трофеи и разрушили мост. Первый тайм за нами. Я радовался этому, наблюдая за суетой егерей у разрушенного моста. От них отделился Сеницын и пошел ко мне. За ним устремились другие офицеры.

– Вот, господин капитан, – улыбнулся Сеницын, протянув мне шпагу с эфесом, богато украшенным золотом. – Гене-

ральская, с француза сняли. Это в подтверждение, – он показал зажатую в другой руке шитую золотом двуголку с перьями поверху.

– Спрячь, – сказал я. – Пригодится.

– Зачем? – удивился ротный.

– Это наши с вами ордена, Антип Потапович, – ответил я, повысив голос. – Не каждый день удастся отбросить неприятеля, убив при этом вражеского генерала. После боя буду хлопотать о наградах для офицеров и нижних чинов. Думаю, не откажут.

Глаза юных прапорщиков, слышавших этот разговор, вспыхнули восторгом. А вот ротные не обрадовались. Получение любого ордена Российской империи, за исключением Святого Георгия, требует от награжденного единовременно взноса в Орденский Капитул. Причем, не маленького. Например, за Анну самого низшего, 3-го класса – 20 рублей. Большие деньги для вчерашних унтеров. Потому после Бородино они просили чины вместо орденов. Со взносом можно не спешить – его не требуют немедленно, но Орденский Капитул не отстанет. И неважно, что со временем кавалеру ордена можно рассчитывать на пенсион. Во-первых, не всем его дают, во-вторых, дожить нужно.

– А что в ранцах французов, Антип Потапович? – спросил я, уловил настроение ротных.

– Вы были правы, Платон Сергеевич, – кивнул он. – Есть дуван. Толком не смотрели еще, но в некоторые заглянули.

Дорогие ткани, посуда, попадаетея и серебряная. Топоры и пилы заодно прибрали. Справный струмент, сгодится. Какие будут приказания?

– Забирайте все и отходим к монастырю, – велел я.

– Почему? – удивился Синицын. – Так славно повоевали!

У нас даже раненых нет, а французов много побили.

– Потому что во второй раз не выгорит, – вздохнул я. –

Отходим.

Офицеры козырнули и ушли распоряжаться. Я хмуро смотрел, как роты строятся. Настроение изменилось, на душе стало сумрачно. Да, нам повезло, но повторять один и тот же прием дважды... Это одинокого стрелка на Днепре французы долго не могли достать. Попробуй выцели его в густых кустах! А у меня сотни солдат за зарослями стояли плотно. Река узкая, дистанция для стрельбы плевая, кусты для пуль – не преграда. Покрошат в фарш.

В том, что я прав, убедился еще на подходе к холму. За рекой зарокотали барабаны, и послышался мерный топот тысяч ног. Вскоре противоположный берег заволокли солдаты в белых мундирах с цветными лацканами и в черных киверах с султанами. По команде они вскинули ружья и прицелились в прибрежные заросли на нашей стороне. В следующий миг будто кто-то разом разодрал над лугом огромный и толстый брезент. Противоположный берег заволокло дымом. А по кустам на нашей стороне будто ударили дубиной – полетели ветки, листья, различимые даже с расстояния

в несколько сот метров.

– Ну что, убедился? – спросил я Синицина.

Тот мрачно кивнул. Не прошло минуты, как итальянцы, а это были они, повторили залп. Потом еще и еще. Дошло даже до юных прапорщиков, на чьих лицах поначалу читалось недовольство отступлением. Тревожно оглядываясь, они ускорили шаг, да и солдат подгонять не было нужды. Мы едва встали на склоне холма у вершины, как итальянская пехота на противоположном берегу расступилась, и в образовавшийся проход хлынули всадники. Поднимая фонтаны брызг, кони прыгали в реку и плыли к нашему берегу. Блядь! Мать вашу за ногу! Из книг историков моего времени я знал, что у Наполеона в Москве почти не осталось кавалерии – менее четырех тысяч всадников на всю Великую армию, из-за чего, к слову, и не вышел стремительный бросок к Калуге. Императору даже пришлось формировать из гусаров и уланов пехотные полки. Но у вице-короля Италии кавалерия нашлась. Писец. Это пехотинцу преодолеть глубокую, пусть и не широкую реку – проблема, для кавалериста – ерунда. Кони переплывут ее вмиг.

– Батальон, в кучу сбейся! – завопил я, надсаживая глотку. – Живо, бабы беременные, мать вашу! Урою!

Ругаться, конечно, нехорошо, тем более, интеллигентному человеку с медицинским образованием. Но тот, кто так скажет, никогда не воевал. Мат в бою позволяет преодолеть цепящий тело страх и побуждает к действию. Закричали

ротные, щедро раздавая новобранцам затрещины. Бывшие унтера знали дело: через несколько минут каре, больше походившее на овал, ошетинилось штыками. В наружных рядах – новобранцы в серых мундирах, во второй шеренге – ветераны в зеленых. Все правильно: стрелки из новичков никакие, так пусть хоть штыками тычут. Офицеры – внутри, каждый возле своей роты, я – в центре. За спиной – верный Пахом. Остался, хотя перед боем я отсылал его к коноводам. В руках денщик сжимал трофейный топор на длинной ручке с окованным медью концом топорща. Ну, ну...

– Ружья зарядить! – скомандовал я.

Защелкали крышки огнив, замелькали над штыками руки с шомполами. Забивая заряд, солдат держит шомпол тремя пальцами. Почему не всей ладонью? Потому что, если при зарядке воспламенится порох (такое случается), то ружье выстрелит, и шомпол улетит в небо, ободрав с пальцев кожу, в крайнем случае – сломав их. Но пальцы заживут, а вот если оторвет руку... Сосредоточенно забивали заряды в свои штуцера юные прапорщики. У них, как и у меня, штыков нет – кавалерийские карабины. Я зарядил свой штуцер и взвел курок.

Пока мы возились, кавалерия выбралась на берег, сбилась в строй и огромной массой потекла к нам. Бля! Сколько же вас? Не отобьемся. Надо было не спешить и встретить всадников залпом всего батальона. Упустил момент. Теперь смогут стрелять только обращенные к полю шеренги. Эта мысль

мелькнула и исчезла – не помогло бы. Новобранцы не успели бы после залпа перестроиться в каре – выучки нет. Кавалерия обошла бы нас с флангов, и случилась бы резня. Пехотинец, если он не в каре, для всадника не противник, а лоза для рубки. Я побежал к обращенному к полю краю строя, но Синицын опередил меня.

– Рота! Первая шеренга – на колено. Не стрелять. Вторая – целься! – рывкнул он во весь голос.

Правильно: Синицын сражений побольше меня видел и знает, что делать. Новобранцы с такого расстояния все равно не попадут, а егеря со штуцерами успеют перезарядиться. Я вскинул свой к плечу. Далековато, но не для штуцера. Прицельная дальность гладкоствольного ружья до двухсот метров. Но с такой дистанции никто не стреляет – попасть практически невозможно. Палят на сотню шагов, да и то по плотному строю. Здесь другая война: тратить тысячи патронов, чтобы убить одного врага, возможности нет. Порох и свинец стоят дорого, последний вообще морем из Англии возят. Нужно наверняка. Я взял на мушку слегка вырвавшегося вперед всадника. Осадим бойкого.

– Пли!

Шеренгу окутал серый пороховой дым. Набежавший с запада ветерок снес его к монастырю. В катящейся к нам лаве образовалась проплешина, исчезла и моя цель. То ли я попал, то ли кто другой – не разберешь. Но проплешина тут же затянулась – как ряска на болоте после брошенного в нее

камня. Наш залп французов не испугал.

– Заряжай!

Егеря торопливо заработали шомполами – и я с ними. Готово! Я вскинул штуцер к плечу. До всадников совсем близко – не больше сотни метров. Отчетливо видны лица под киверами, расшитые шнурами доломаны. Гусары. Хорошо, что не уланы, у тех – пики, с ними каре прорвать проще. Вообще прорывать каре – функция тяжелой конницы, тех же кирасиров. Но нам с необученными новобранцами и гусаров хватит. Всадники выхватили сабли, их отполированные клинки сверкнули в лучах выглянувшего из-за облаков солнца.

– Первая шеренга – встать! Вторая – шаг назад! Целься!

Молодец Потапович! Мы стоим на склоне, и, если отступить, егеря выстрелят поверх голов новобранцев. В противном случае пришлось бы между голов. Такие выстрелы оглушают солдат первой шеренги, искры несгоревшего пороха с полок и стволов могут ожечь щеки. Опытному егерю не привыкать, но у нас неукы.

– Пли!

Грохот, запах тухлого яйца от сгоревшего пороха, крики людей и жалобное ржание коней. Когда дым снесло, перед строем обнаружилась куча мала. Убитые и раненые лошади, неподвижные тела всадников между ними и под крупами лошадей. Залп полторы сотни ружей в плотную толпу с близкого расстояния – это страшно. Но французов это не смутило.

– En avant France! – прозвучало впереди. – Vive

Волна всадников накатила на каре. Первый ряд егерей выбросил вперед штыки. Гусары отхлынули и закружили вокруг. Стреляли из пистолетов, пытаясь сделать в строю проход и через него прорваться внутрь. Если выйдет, нам – хана. Егеря, стоявшие позади новобранцев, палили в ответ. Не было залпов – стрельбой уже никто не управлял. Выстрелы грохотали вразнобой – впрочем, без особого эффекта с обеих сторон, что было видно, когда дым сносило ветром. Попасть в движущуюся мишень из кремневого ружья можно лишь случайно. После нажатия на спуск до выстрела проходит около секунды: пока вспыхнет порох на полке, затем подожжет заряд, цель убежит. Но из пистолета верхом на скачущей лошади прицелиться тоже непросто, хотя у французов в этом преимущество – палят по статичной цели. Время от времени солдаты в первой шеренге падали, и ротным приходилось уплотнять строй. Шло время, но никто из противоборствующих сторон не мог добиться успеха.

Первыми поняли это французы. Прозвучала команда, и карусель прекратилась. Всадники отхлынули от каре и рассредоточились на лугу. Многие стали перезаряжать пистолеты. Делали это гусары на удивление ловко. Мы продолжили стрелять, но этот огонь действенным не был, хотя время от времени гусары падали с седел. К сожалению, реже, чем хотелось. Всадник даже на стоящей лошади постоянно в дви-

²⁵ Вперед, Франция! Да здравствует император.

жении, поэтому пули летели мимо. Французов наш огонь не сильно смущал: они спокойно орудовали короткими шомполами, и вскоре завершили перезарядку. Прозвучала команда, и гусары вновь сбились в строй. В этот раз он представлял собой не широкую лаву, а плотную колонну. Передние всадники взяли пистолеты в обе руки, и, управляя лошадьми только с помощью ног, помчались к нам.

– Целься в коней! – закричал Синицын. – Пли!

Ответом на это стали разрозненные выстрелы. Французы развели нас. Пока мы отстреливали их поодиночке, они готовили атаку – скорее всего, хорошо им знакомую и не раз испытанную на практике. Остановить их сейчас мог только дружный залп из ружей, но они у большинства егерей разряжены. Сейчас передний ряд французов пробьет в строе брешь пистолетными выстрелами, остальные ворвутся внутрь и устроят резню. Батальон капитана Руцкого ляжет костями, как и велело начальство.

Колонна атакующих приблизилась, стали видны оскаленные пасти лошадей, злые лица гусаров, пистолеты в их руках. В голове внезапно всплыл идиотский стишок, вычитанный в интернете. Воспаленный мозг мигом переделал в нем слова:

...Ну, здравствуй, кавалерия!
Сегодня в гости к вам пришел
Лаврентий Палыч Берия!

– Дай! – я вырвал топор из рук денщика, сунув взамен

беспольный сейчас шуцер, после чего припустил к атакуемой шеренге, на бегу раскручивая топор над головой. Хороший инструмент у французских саперов. На длинной рукояти, острый, с квадратным бойком на обухе. Последний – чтобы гвозди забивать, но и в лоб приложить можно. Для обычного человека тяжеловат, для меня – пушинка.

Я успел. Залп из пистолетов проделал в шеренге егерей брешь, и в нее уже заскакивал всадник с саблей, занесенной для удара. Врешь, сука, не пройдешь! Хрясь! Получив обухом в лоб, лошадь рухнула, как подкошенная. Всадник перелетел через ее голову и, выронив саблю, пропахал носом стерню от скошенной травы.

– Добейте! – крикнул я солдатам и устремился вперед. В брешь уже заскакивали другие гусары, причем сразу парочка. А вот хрен вам! Хрясь! Поворот волчком – хрясь! Полетайте, парни! Вернее, приземляйтесь. Засадив носком сапога в промежность француза, оказавшегося пошустрее и успешшего вскочить на ноги, я развернулся к следующим. Хрясь, разворот, хрясь... Мной овладела непонятная дикая ярость. Я бил и крушил, ловко уворачиваясь от ответных ударов сабель и даже выстрелов из пистолетов. Падали лошади, летели наземь всадники. Успевшие спрыгнуть с убитых коней гусары не стали связываться с придурком с топором в руках и убежали к своим. Я запрыгнул на круп убитой лошади и вскинул топор над головой.

– Что, зассали, пидоры! – завопил во весь голос. – Ком цу

мир! Я вам покажу кровавую гэбню!

Смельчаки среди пидоров нашлись: двое всадников рванулись вперед и напали на меня сразу с двух сторон. Хрясь! Конь рухнул, придавив всадника. Бам! От сильного удара кивер сел мне на уши. Подскочивший справа всадник угодил по нему саблей. Я, не глядя, отмахнулся лезвием топора. Хрусь! Густая теплая жидкость брызнула мне в лицо, залепив глаз. Блядь! Я повернул голову. Побелевший гусар с ужасом смотрел на свое правое плечо. Руки с саблей у него более не было, а из короткого обрубка фонтаном прыскала кровь. Не боец. Остальные всадники отчего-то нападать не спешили и, натянув поводья, встали в десятке метров от меня, глядя в сторону. Впечатлились, петушки галльские.

– Капитан! – раздалось позади, и я узнал голос Синицына. – Сигай долу!

Мгновенно сообразив, я спрыгнул с крупа и ничком рухнул на вытоптанную копытами траву, уронив при этом топор. За спиной грохнул залп, и все вокруг затянуло серым дымом. Я встал и, волоча ноги, побрел к своим. Идти было тяжело – из меня будто выпустили воздух. Из дыма выскочили Синицын с Пахомом и, подхватив меня под руки, затащили вглубь каре, где усадили на траву.

– Сейчас, сейчас, – забормотал денщик, пытаясь снять с меня кивер. Руки у него дрожали, подбородочный ремень никак не поддавался.

– Отстань! – прикрикнул я. – С чего тебе вздумалось?

– У вас кивер разрублен, лицо и мундир в крови, – сообщил стоявший рядом Сеницын. – Нужно осмотреть рану.

– Это не моя кровь, – сказал я и, подумав, стащил кивер. Осмотрел. М-да, приложили знатно: лезвие сабли, миновав репеек²⁶, разрубило верх, дойдя до латунной гренады²⁷, однако не затронуло ее. Дубленая кожа выдержала, крови внутри не наблюдалось. Я на всякий случай ощупал голову – целая. Вот и ладно. Я нахлобучил кивер обратно на голову. Пахом с Сеницыным стояли впереди, странно на меня глядя.

– Антип Потапович! – нахмурился я. – Почему вы здесь? Там же бой!

– Нет больше боя, – ответил он. – Наши подошли. Бегут французы. Спасла Царица Небесная.

Он размахисто перекрестился. Я вскочил на ноги. Гусары улепетывали на другой берег и частично уже успели перебраться через реку. Вслед скакали всадники в блестящих кирасах и, догнав отставших, наотмашь рубили палашами. Вот почему гусары смотрели в сторону – пришла, значит, подмога. Где ж ее носило?

– Вот что, Потапович, – сказал я подпоручику. – Несите раненых сюда, мне нужно их осмотреть, а вы трофеями озаботьтесь, не то другие желающие найдутся. И еще, – указал

²⁶ Репеек – овальная кокарда на верхнем краю кивера в форме половинки яйца у пехоты и пешей артиллерии. Гренадеры вместо него носили султаны. По цвету репейка можно было определить род войск и не только.

²⁷ Латунная кокарда на тулье кивера. Обычно представляла собой изображение факела.

я рукой. — Кони битые лежат, видите? Это свеженина. Разделявайте и варите. Люди голодны.

— Слушаюсь, ваше благородие! — вытянулся Синицын, повернулся и убежал. Это с чего он «благородствует»? Офицер ведь, а не нижний чин.

— Ваше благородие! — подскочил Пахом. — Вам бы умыться и мундир постирать.

— Потом! — отмахнулся я.

Протерев тыльной стороной ладони глаз и убедившись, что тот видит, я занялся ранеными. К моему удивлению, их оказалось немного — шестнадцать человек. Погибло одиннадцать егерей — все новобранцы. Но об этом я узнал чуть позже. Пока же занимался сортировкой раненых. Итог оказался грустным: половина не выживет. Пулевые раны в грудь и живот... Не со здешней медициной. Я приказал отнести безнадежных в монастырь, как и павших. Монахи их соборуют, а после отпоют и похоронят на кладбище. Редкий случай для солдата на войне. В следующий час я чистил раны, зашивал их и бинтовал. Мне помогали санитары из нестроевых. За спиной шла какая-то суета, раздавались команды, топали сапоги — я не обращал на это внимания. Внезапно все стихло. Закрепив бинт на руке раненого унтера, я выпрямился и обернулся. Ага, начальство пожаловало. В нескольких шагах от меня верхом на гнедом жеребце сидел Паскевич в окружении командиров бригад и полков. Спешнев тоже здесь. Все молча смотрели на меня. Напротив застыл батальон — рот-

ные успели построить людей. Правда, стоят – как бык поссал, да и выглядят солдатики не орлами. Амуниция перекошена, некоторые без головных уборов. Рожи черные от порохового дыма. Но что есть, то есть. Я направился к начальству и, не доходя пары шагов, остановился и бросил ладонь к киверу.

– Ваше превосходительство! Первый батальон 42-го егерского полка, выполняя ваше приказание, вступил в сражение с неприятелем и не позволил тому захватить Малый Ярославец. Отбиты две атаки противника, разрушена наведенная им переправа. Наши потери – 27 человек. У французов убитых не менее сотни. Командир батальона капитан Руцкий.

– Что у вас за вид, господин капитан? – нахмурился Паскевич. – Весь в крови, кивер разрублен. Вы ранены?

– Никак нет, ваше превосходительство! Это не моя кровь.

– Тогда займитесь собой. Офицеру надлежит выглядеть, как подобает, даже на поле боя, а вы с ранеными возитесь. На то военные медики есть. И за подчиненными приглядите, а то не батальон, а партизанский отряд какой-то. Слоняются по полю, мертвых французов обдирают. Другие убитых коней потрошат. Мародеры, а не егеря. Господин подполковник, – повернулся он к Спешневу. – Приглядите.

Паскевич завернул жеребца и поскакал к городу. Следом устремилась свита, оставив Спешнева. Семен спешил и подошел ко мне.

– С чего генерал на меня напустился? – спросил я.

– Выговор от Раевского получил, – объяснил Семен. –

Опоздали мы к городу, Дохтуров раньше успел. Кирасиры тоже. Ладно, плюнь! – махнул он рукой. – Иван Федорович – человек справедливый, погорячится и отойдет. Рад видеть тебя живым. Но собой займись, а то вид, как у вурдалака, – он хохотнул. – Тяжко пришлось? – спросил сочувственно.

– Не сладко, – вздохнул я. – Не чаял уцелеть.

– Позвольте, я расскажу, – подключился к разговору подошедший к нам Синицын. – А господин капитан пусть займется собой.

Спешнев кивнул, и они с подпоручиком отошли в сторону. Ко мне подбежал Пахом с ведром воды и ковшом в другой руке.

– Сымайте мундир, ваше благородие! – запричитал, ставя его у моих ног. – Умойтесь, а я с мундиром к колодцу сбегая, пока воду не вычерпали. Постираю, а то глянуть боязно. Даже эполеты кровищей залило. Присохнет – не отчистишь.

Я подчинился. Пахом слил мне на ладони, и я, фыркая, смыл кровь с лица, головы и шеи. Красная вода стекала на зеленую траву. Хорошо, что плотное сукно не пустило кровь к рубашке, и та осталась белой. Запасной-то с собой нет. Утершись поданным денщиком полотенцем, я накинул на плечи поднесенную кем-то из солдат бурку и надел кивер. Пахом, подхватив опустевшее ведро и повесив на руку мундир, убежал с ними к монастырю. Повернувшись к реке, я смотрел, как на обширный пойменный луг вытекают с улиц Малоярославца и в обход его колонны наших войск. Шла пехота, ры-

сю спешила кавалерия, упряжки тянули пушки. Артиллеристы устанавливали их вдоль околицы. Явились – не запылились! Одно хорошо: французы могут побояться наводить переправы в виду такой силы, и до боев на улицах города дело не дойдет. Их не завалят трупами, как в моем времени. Хотя кто знает?

Семен закончил разговаривать с Сеницыным и направился ко мне. Подойдя, встал и покрутил головой.

– Ну, ты и ухарь, Платон! С топором на гусар... С чего тебе вздумалось?

– Прорвись французы внутрь каре, порубили бы всех! Нам хотя бы пару пушек... Где, кстати, Кухарев с фон Боком?

– Там! – Спешнев указал на околицу. – Дохтуров с Раевским собрали все орудия вместе. Будут бить по французам, чтобы через реку не лезли.

Словно подтверждая его слова, батареи на околице дружно выпалили. Черные мячики ядер устремились через реку к невидимым мне целям. Луг заволокло пороховым дымом. Началось.

– Ты вот что, – сказал Семен. – Забирай батальон и уводи за город. Паскевич приказал вас сменить. Приводи людей в порядок, а то, в самом деле, выглядят непотребно. Сюда светлейший с армией и штабом прибывают. Увидят – позору не оберешься. Знаешь ведь штабных.

Он хлопнул меня по плечу и направился к лошади. Подобрал перекинутый через ее голову повод, вскочил в седло и

ускакал. А я стал распоряжаться. К тому времени, как батальон встал в походные колонны, вернулся Пахом с застиранным мундиром. Сукно его было волглым и холодным. Я надел мундир поверх рубашки и застегнул пуговицы – на теле высохнет. Чай, не баре. Накинул на плечи бурку.

– Батальон, марш!..

Город мы обошли с востока. Улицы Малоярославца были забиты войсками – не пробиться, а вот луг за городом оказался свободным. Наши лошади обнаружили там: мирно щипали осеннюю травку. Ко мне подбежал командовавший коноводами унтер.

– Ваше благородие! Исполняем приказание. Кони и люди – все на месте.

– Что лошади не расседланы? – спросил я.

– Ждали: вдруг понадобятся, – смутился он. – Только подпруги ослабили.

– Расседлать! – велел я. – Напоить и накормить. И пусть каждый егерь обиходит своего коня. Лошадьми убитых и раненых займитесь сами.

– И много таких? – спросил унтер.

– Двадцать семь, – вздохнул я.

– Слава тебе, Пресвятая Богородица! – перекрестился унтер. – Мы тут, стрельбу слыша, гадали: вернется ли кто? Зело крепко палили. А все тута.

Можно считать и так. Унтер убежал, ко мне подошел Синицын.

– Тут в овине соломы немного нашлось, – сказал, указав на недалекий сарай. – Отдохните, Платон Сергеевич! За людьми сам пригляжу.

Я ощутил, как скользят вниз тяжелые веки. Синицын прав: что-то я вымотался. Бессонная ночь, бой...

– Спасибо, Антип Потапович, – кивнул я. – В самом деле. Люди пусть тоже отдыхают. Часовых только выставьте.

Сопровождаемый Пахомом, я добрел до сарая, где, расстелив бурку на охапке соломы, повалился на нее и укрылся полой. Уснул сразу, несмотря на недалекий грохот орудий.

Растолкал меня Пахом. Казалось, только смежил веки, как уже трясут.

– Вставайте, ваше благородие, – причитал денщик. – Вечереет уже. Вам поесть надо.

Я сел на расстеленной бурке и осмотрелся. За растворенными воротами овина серел полумрак. Сколько я спал? Часов пять. Точней не скажу – забыл глянуть на часы. Тихо, не стреляют. То ли французы не решились атаковать, то ли их отбили. Малоярославец наш. Будь иначе, меня подняли бы раньше.

Я встал и вышел наружу. На лугу возле овина горели костры – много. В их свете мелькали тени, и доносился шум, который производит большое число людей. Понятно: на лугу не только мы.

– Армия подошла, – подтвердил Пахом. – Кто-то возле нас встал, а так все там, – указал он на юг.

Я повернул голову. Окружавшие Малоярославец холмы все были в желтых точках костров – как будто кто-то разбросал горящие свечи.

– Идемте, ваше благородие, – позвал Пахом.

Мы подошли к костру. Я сел на притащенный кем-то чурбак. Денщик подал мне котелок и ложку. Я зачерпнул горячее варево и поднес к глазам. Щи?

– Так, точно ваше благородие! – подтвердил Пахом.

– Капусту где взяли?

– У местных обывателей. Не подумайте, ваше благородие, – заторопился денщик. – Все по чести. На трофеи сменяли. За топор хранцузский целый воз насыпали.

Я бросил ложку в рот, прожевал. Вкусно! Но...

– Это не конина.

– Поросят у обывателей купили, – подтвердил Пахом. – Их благородие поручик Синицын велели. Надо, говорит, нашего капитана как след накормить. Не будь его, легли бы на лугу. Офицеры денег собрали. Поросяток – сеголеток, пуда четыре был. Всем хватило: офицерам, унтерам, даже егерям перепало. Новобранцы конину ели, но она тоже мясо. Животы набили, аж трещат.

Слушая его, я работал ложкой, заедая горячие щи хлебом – слегка черствым, но все равно вкусным. Кстати, знаете, как здесь готовят щи, по-армейски «приварок»? Сначала в котел бросают предварительно взвешенные большие куски мяса. Когда сварятся, достают и снова взвешивают – не

сжувливал ли повар? Затем в горячий бульон бросают капусту, картошку или репу и варят до готовности. И только потом в щи закладывают мелко нарезанное мясо. Это варево готовили так же, разве что мясо не взвешивали – в котелке его полно. Вкусно и сытно.

Из темноты шагнул Сеницын. Встав, вытянулся.

– Приятного аппетита, господин капитан!

– Спасибо, Антип Потапович! – поблагодарил я. – Присаживайтесь. Есть будете?

– Благодарю, сыт, – отказался подпоручик, опускаясь на поднесенный Пахомом второй чурбак. Гадом буду – наташили из города. Дрова для костров явно оттуда.

– И меня накормили до отвала, – сказал я, отставляя котелок. Денщик подхватил его и скользнул в темноту. – Как дела в батальоне?

– Люди накормлены и приведены в порядок, – доложил Сеницын. – Отдыхают.

– Меня никто не искал?

– Никак нет.

– Французы через реку лезли?

– Побоялись – наши крепко из пушек палили. Кухарев с немцем все заряды расстреляли. К нам вернулись, там стоят, – он указал рукой.

– Накормили?

– Само собой, – кивнул Сеницын, – хотя тут некоторые ворчали, что не заслужили. Худо нам без пушек пришлось.

Едва отбились.

– А с чего запоздали, ведомо?

– На мосту застряли – гнилой оказался. Пришлось заново ладить. Там все стояли. Нас казаки через брод провели, им он неведом был. Зато пушки все доставили.

Обычный армейский бардак: правая рука не знает, что делает левая.

– Платон Сергеевич, – внезапно улыбнулся Сеницын. – Я вот давеча мимо костра шел, разговор егерей слышал. Один молвит: «Большой души наш капитан: сам вымотался, а раненым первым делом помог, даже кровь с себя не смыл. А уж матерится – заслушаешься. В уши льется, голова тямит, руки и ноги команду исполняют». Второй отвечает: «Он и по-французски может – да так, что кони падают вместе с французами». «То итальянцы были», – возражает первый. Второй ему: «Все одно – пидоры».

Подпоручик засмеялся. М-да. Кажется, я тут как-то неправильно прогрессорствую.

– Хочу спросить, – продолжил Сеницын. – Кто такие пидоры?

– Ну... – смутился я. – Это содомиты по-французски.

– Ага, – кивнул подпоручик. – То-то они взъерились. А кровавая гэбня?

Блин! И вот что ему ответить? С чего меня понесло? Надо быть осторожным в словах, хотя в тот миг об этом меньше всего думалось. От мучительного поиска ответа меня спас

близкий топот копыт. Из темноты появился всадник. В свете костра блеснули золотой горжет на груди и аксельбант на плече.

– Господа! – объявил офицер. – Мне нужен капитан Руцкий.

– Это я, – встал я с чурбака. Следом вскочил Сеницын.

– Уф! Насилу разыскал, – пожаловался офицер, спешившись. – Темно, войска перемешались. Считай, час брожу. Позвольте представиться, адъютант главнокомандующего, князь Тенишев.

– Присаживайтесь, ваше сиятельство! – предложил Сеницын, указывая на чурбак.

– Некогда, – отмахнулся Тенишев, но, подумав, все же сел. Я – следом. – Светлейший послал меня за вами, господин капитан. Хочет видеть.

Это с чего? Да еще целого князя на поиски отрядил? Хотя тех в ставке – как собак нерезаных.

– Я распоряжусь, чтобы господину капитану подготовили лошадь, – сообщил Сеницын.

– Шпагу и шляпу генеральские не забудь, – сказал я, подмигнув. Подпоручик кивнул и исчез в темноте.

– Пахом! – позвал я.

Денщик выступил в свет костра.

– Кивер и палаш!

Пахом исчез. Обратно явился почти сразу с обоими предметами в руках. Я надел перевязь, пропустив ремень под эпо-

летом, затем нахлобучил на голову кивер.

– Он у вас испорчен, – заметил Тенишев.

– Француз разрубил саблей сегодня днем, – сказал я. – Другого нет.

– Одолжите у кого-нибудь из офицеров.

– Не стоит, – отказался я.

Князь нахмурился, но возражать не стал, только с неодобрением посмотрел на мой не соответствующий уставу палаш. Плевать. Не объяснять же штабному, что мне нужно явиться перед начальством в самом что ни на есть геройском виде. Хорошо б еще продранный штыком мундир и черное от порохового дыма лицо. Хотя последнее – перебор. Пахом щеткой смахнул с моего мундира приставшие соломинки.

Появился Сеницын с оседланной кобылкой на поводу. В другой руке он нес трофейные шпагу и шляпу. Тенишев на них покосился, но ничего не сказал. Мы с князем вскочили в седла, я принял у подпоручика шляпу со шпагой и отправился вслед за адъютантом.

4.

Походная штаб-квартира Кутузова располагалась в Малоярославце. Меня это удивило: ожидал, что Тенишев отведет меня на холмы к какому-нибудь походному шатру, однако мы повернули к городу. Значит, светлейший чувствует себя уверенно и не опасается внезапного нападения французов. Мы подъехали к дому, окруженному забором из досок, одноэтажному и деревянному, но большому и солидному, даже колонны у крыльца имелись. В окнах – свет, разглядеть можно. Наверняка особняк какого-то местного помещика или городского головы. У ворот дома стоял караул из гвардейцев. Нас он пропустил беспрепятственно, мы въехали во двор, где спешились и, поручив коней подскочившим солдатам, поднялись по ступенькам крыльца.

– Ожидайте, – сказал князь, заведя меня в просторную прихожую. – Я доложу.

Он скрылся за высокой дверью, крашенной белой краской, а я остался стоять. В прихожей было довольно светло: горели свечи в напольных канделябрах из бронзы. Вдоль стены стояли стулья, которые занимали незнакомые мне офицеры. Нас они встретили любопытными взглядами, но тут же вернулись к прежнему занятию, продолжив какой-то свой разговор. Свободного стула для меня не нашлось, уступать никто не собирался, да и с чего бы? Как успел заметить, я

здесь младший по чину. Приняв независимый вид, как писали классики, поправил перевязь и одернул, насколько это можно было сделать одной рукой мундир, после чего стал ждать. Впрочем, недолго.

– Заходите, господин капитан! – сообщил выскользнувший из двери адъютант, и я последовал его приглашению, успев заметить недоуменные, а то и сердитые взгляды обитателей прихожей. Видимо, их обидело такое внимание к какому-то обер-офицеру. Не успел явиться, а уже получил доступ к телу.

Свечей в комнате за дверью горело гораздо больше, и за порогом я моргнул, привыкая к их свету. А когда открыл глаза... Приехали! Комната буквально сияла золотым шитьем генеральских мундиров и украшавших их орденов. Похоже, у главнокомандующего собрались командиры корпусов и дивизий, и вот сейчас все они – кто с любопытством, а кто и с недоумением – смотрели на меня. Среди генералов я разглядел Паскевича. Собравшись с духом, отыскал взглядом Кутузова и бросил ладонь к киверу.

– Ваша светлость! Командир первого батальона 42-го егерского полка 26-й дивизии капитан Руцкий по вашему приказанию прибыл. Здравия желаю!

– И тебе здравствовать, голубчик! – улыбнулся Кутузов. – Подойди ближе, что встал в дверях?

Я подчинился.

– Что у тебя там? – поинтересовался светлейший, уста-

вившись единственным видящим глазом на трофеи в моей левой руке.

– Вот, – я выложил их на покрытый картой стол. – Как изволите видеть, шпага и шляпа. Принадлежали французскому генералу, убитому сегодня моими егерями при попытке неприятеля навести переправу через реку. Из показаний пленных французов следует, что генерала звали Дельзон и командовал он 13-й дивизией 4-го корпуса Богарне.

Никаких пленных я, конечно, не опрашивал, а про Дельзона знал по историческим источникам своего времени. Да и какая разница? Генерал был? Был. Шпага и шляпа – вот они. Пожалуйте награду! Краем глаза я заметил, как вытянулось лицо Паскевича. Ну да, трофеи мог принести он и получить за это плюшек, Руцкий же потянул одеяло на себя. А вот не фиг было строить меня на лугу!

– Гляньте на него, господа! – повернулся к генералам Кутузов. – Вот он, герой сегодняшнего дня. С одним батальоном сумел остановить корпус неприятеля, не позволив тому захватить Малый Ярославец. Да еще генерала французского подстрелил. Как сумел? – спросил, глянув на меня.

– Укрыв батальон в прибрежных зарослях, дал возможность французам навести переправу через реку, после чего мы их перестреляли, а переправу разрушили. Неприятель обозлился и бросил на нас кавалерию. Мы встали в каре и отбивались, пока не подоспела подмога.

– Правду говорят, что французов топором рубил? – сощу-

рил свой единственный видящий глаз Кутузов.

Надо же! И об этом донесли.

– Пришлось, ваша светлость, – признался я. – Гусары фронт каре прорвали. Могли взять нас в сабли. Нам от французских саперов трофеев перепал – топор на длинной рукояти. Я схватил его и стал бить обухом лошадей передовых гусар. Силой меня бог не обидел: хрясь по лбу коня – и тот лежит.

Генералы засмеялись.

– И много набил? – поинтересовался Кутузов, улыбаясь.

– Не считал, ваша светлость, но с полдесятка голов точно.

Генералы уже хохотали. Ага, весело им! Самих бы туда!

– А далее? – спросил Кутузов.

– Егеря дали залп и отогнали неприятеля, а я вернулся в строй.

– Хочу заметить, ваша светлость, – подключился к разговору Паскевич, – что, когда я прибыл в батальон, то нашел капитана Руцкого всего в крови и в разрубленном кивере. Последний и сейчас на нем. Поначалу подумал, что это кровь наших солдат. Капитан в прошлом лекарь, и, когда выдается время, пользуется раненых в бою. Однако позже мне довели, что кровь та французская. Руцкий не только лошадей бил, гусарам тоже перепало. Они настолько испугались капитана с топором, что отпрянули от каре и более не атаковали.

Ага, это он так извиняется. Ладно, я не злопамятный.

– Молодец! – кивнул головой светлейший. – Непременно отпишу о сем подвиге государю. Всякое случилось в эту компанию, многие офицеры славно сражались, но чтоб так... И вам благодарность, Иван Федорович! Мало того, что под вашим началом служат такие орлы, как Руцкий, так еще сумели выслать конный батальон к Малому Ярославцу, и тот поспел как нельзя вовремя. В результате неприятель не смог переправиться через реку, и город остался за нами.

Паскевич приосанился. Все-таки ухватил плюшку.

– По результатам сего дня к наградам представлю Матвея Ивановича и его офицеров, – объявил Кутузов, указав на генерала с саблей вместо шпаги на боку. – Его казаки, воспользовавшись заминкой неприятеля на том берегу, атаковали французов во фланг, разбили обоз и захватили пушки. Которые не смогли увезти с собой, те испортили. Вследствие чего противник не смог по нам стрелять и отошел от реки.

Генерал довольно улыбнулся и поклонился. Ага, это Платов. В моем времени он точно так же нанес фланговый удар и лишил французов части артиллерии. Завязал, значит, с водочкой атаман, за ум взялся.

– А еще представлю капитана Руцкого и офицеров его батальона, – добавил светлейший. – Чего тебе попросить? – он задумчиво посмотрел на меня. – Георгий четвертой степени есть, чин недавно получил. Святого Владимира с бантом? Маловато для такого дела будет. Людей много потерял?

– Более половины батальона, – сходу соврал я, увидев, как

поползли на лоб брови Паскевича. Ему-то я другую цифру назвал. Генерал покачал головой, но промолчал. Правильно. Здесь подход к наградам простой: чем больше людей потерял, тем выше героизм. Приходилось в свое время читать об одном случае. Примерно в это же время Россия вела войну с персами у Каспийского моря. Там один грамотный русский офицер сумел с двумя тысячами солдат вдрызг разбить десятитысячный персидский корпус, потеряв при этом всего 28 человек убитыми. Однако в Петербург написал, что потерял 1200, и не прогадал. Его буквально осыпали наградами.

– Попрошу Георгия третьей степени, – решил Кутузов. – Все по статуту. С малыми силами отбросил много превосходящего неприятеля, не позволив тому захватить Малый Ярославец, и нанеся при этом противнику значительный урон. Далее – как государь соизволит. А теперь, господа, прошу нас оставить, – сказал генералам. – Мне нужно перемолвиться с капитаном с глазу на глаз. Ты тоже задержись, Карл Федорович, – светлейший кивнул Толю²⁸.

Недоуменно глядя на меня, генералы потянулись к выходу. Генерал-фельдмаршал пожелал побеседовать наедине с каким-то капитанишкой? Это с чего? Я-то знал ответ, но вид принял лихой и придурковатый: дескать, наше дело телячье: приказали – стою.

²⁸ Карл Федорович Толь, в ту пору генерал-квартирмейстер Кутузова в чине полковника. В реальности исполнял обязанности начальника штаба главнокомандующего, поскольку с официальным начштаба Бенигсеном Кутузов находился в неприязненных отношениях.

– Обижаешься? – спросил Кутузов, когда за последним из генералов закрылась дверь.

– За что? – удивился я.

– За то, что не послушал тебя и не привел армию к Малому Ярославцу загодя, – пояснил Кутузов. – В результате пришлось гнать ее ночным маршем, а тебя с твоим батальоном бросить на растерзание французам. Если б не справился... – он помолчал. – Знаешь, почему не послушал? – продолжил светлейший. – Они, – указал в сторону двери, – хором убеждали, что такое невозможно. Неприятель непременно пойдет по Старой Калужской дороге. Нельзя верить какому-то капитану, бежавшему из французского плена. И что вышло? Хорошо, что Карл Федорович заранее разведаль позицию за Малым Ярославцем и составил роспись войск для спешного марша из Тарутино в случае выдвижения неприятеля к городу. Он же по получении сведений, что неприятель замечен на Новой Калужской дороге, посоветовал перебросить сюда егерей на лошадях, дабы воспрепятствовать противнику в возведении переправы и предложил твою персону, как имеющую опыт в таких делах. Как видишь, не ошибся.

А я-то думал, что это инициатива Паскевича. Кутузов его похвалил, видимо, из каких-то своих соображений. Светлейший – дипломат, умеет раздавать плюшки.

– Сколько на самом деле людей потерял? – внезапно спросил Кутузов. – Только не лги!

– Двадцать семь, – признался я.

– Молодец! – одобрил он. – Так и нужно воевать. А что прихвастнул потерями, так это – как водится. В Петербург отпишу, как нужно. Задержал же по понятному делу. Если у тебя славно выходит предсказывать действия неприятеля, то поведай, собирается ли Буонапартий атаковать нас завтра?

– Полагаю, не решится, – ответил я.

– Почему? – сощурился Кутузов.

– Он наверняка выслал лазутчиков разузнать, какие силы ему противостоят. Убедится, что здесь вся наша армия, и не станет воевать. У Наполеона почти нет кавалерии – лошади пали в большом числе от бескормицы. Еще в Москве я слышал, что французы формируют из гусар и улан пехотные полки. А без кавалерии в большом сражении не победить. По той же причине неприятель не пойдет по Старой Калужской дороге на Медынь и далее на Юхнов. Быстрого марша не получится, а пехоту мы догоним. Хотя изобразить отвлекающий маневр в сторону Медыни, чтобы нас запутать, противник может. Это любимая тактика Наполеона. Но главная причина, ваша светлость, состоит в том, что француз уже не тот, каким был летом. Армия неприятеля отягощена награбленным в Москве добром, она не хочет воевать, а стремится унести добычу домой.

– Почем знаешь?

– Заглянули в ранцы убитых французов. Там ткани, посуда, меха. Они выбросили все необходимое солдату, лишь бы унести награбленное. Да и действовали против нас вяло.

Скажу честно: встань мы, как сегодня, против французов летом, от батальона только перья полетели бы. Вспомните Бородино.

– Ты только никому другому этого не скажи! – погрозил пальцем Кутузов. – Не то я твой подвиг государю распишу, а ему донесут, что Руцкий легко побил французов оттого, что те воевать не хотели. Недоброжелателей у тебя после сегодняшнего дня много найдется. Но вернемся к Буонапартию. Если не станет сражаться, куда пойдет?

– Вернется в Боровск, оттуда двинется на Верею и Можайск.

– То есть на Смоленскую дорогу?

– А ему больше некуда.

– Пожалуй, – согласился Кутузов. – Ладно, голубчик, ты иди, а мы с Карлом Федоровичем вдвоем покумекаем.

Я отдал честь, повернулся кругом и вышел.

* * *

– Что скажешь, Карл Федорович? – спросил Кутузов после того, как капитан скрылся за дверью.

– Не ожидал, – признался полковник. – Странно слышать о таких маневрах неприятеля. Но и не верить Руцкому после того, как он точно предсказал поход узурпатора на Малый Ярославец, причины нет.

– Таится капитан, – задумчиво произнес светлейший. –

Нам сказал, что у французов лекарем служил, но, полагаю, врет. Хотя лекарь он добрый, – «Государя пользовал, – добавил мысленно, – и тот его отметил». – Мню, что офицером он у французов был, да еще в немалых чинах. Похоже, что при штабе. Вон как лихо расписал, как и куда Буонапартий пойдет – и все по памяти. В карту даже для отвода глаз не глянул.

– А зачем ему таиться? – удивился Толь.

– Дабы шпионом не сочли. Когда кампания с французом началась, их чуть ли не в каждом иностранце видели. А тут бывший офицер узурпатора. Повесили бы Руцкого на ближайшем дереве, глазом не моргнув. Он, думаю, из плена так скоро сбежал, потому что понимал: узнают французы, кто таков, и расстреляют немедля. Сегодня дрался насмерть по той же причине – нельзя ему в плен попадать. Даже за топор схватился. Однако нам он человек полезный, бери его на заметку. Ежели все, сказанное им, сбудется, не брезгуй и впредь совета спросить.

– Слушаюсь, ваша светлость! – поклонился Толь.

– Иди, голубчик! Генералам скажи, что совещание окончено, приказ объявлю завтра. А я отдохну, устал, – Кутузов зевнул, прикрыв рот ладонью. – Составь список офицеров, отличившихся сегодня, но до поры придержи. Ежели неприятель отойдет, как Руцкий говорил, завтра напишу государю и приложу тот список, а вот ежели Буонапартий сражение зачнет, дополнять придется.

Кутузов на время смолк и задумался. Если Наполеон решится атаковать, устоит ли армия? Не повторится ли Бородино, когда, несмотря на отвагу и героизм русских солдат и офицеров, пришлось отступать и, в конечном счете, сдать Москву? Теперь за спиной Калуга, а армия хуже прежней – потери обескровили ее. Много едва обученных солдат, никуда не годятся генералы. Наступать они умеют плохо – это показало сражение под Тарутино. Хотя светлейший в письме царю подал его как решительную и бесспорную победу, сам прекрасно понимал: это не так. Не будь французы столь беспечны, дело могло кончиться поражением русских войск. «Устоят, – решил Кутузов после размышлений. – Позиция у нас хорошая, пушек много – отобьемся».

– О нижних чинах не забудь, – сказал генерал-квартирмейстеру. – Прикинь, сколько кому крестов выделить. Они славно бились, заслужили. Скажи Платову: пусть его казаки глаз с французов не спускают. Наши летучие отряды – также. Они первыми выход Буонапартия из Москвы приметили, пусть и далее стараются.

Светлейший жестом отослал полковника и прошел в комнату, где ему уже была приготовлена постель. Там слуга помог ему снять мундир и стащить сапоги. Князь тяжело повалился на перину, укрылся пуховым одеялом и забылся беспокойным старческим сном.

В батальон я возвращался в приподнятом настроении. Как там у Пушкина? «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил...» Приятно. Только в гроб Кутузову пока рано, ему еще французов из России выгонять, хотя выглядит главнокомандующий неважно. Помочь бы, но как? Старость не лечится. Кутузову – 67, это даже по меркам моего времени немало, добавим походную жизнь, два огнестрельных ранения в голову... У старика наверняка гипертензия – с его возрастом и весом это как пить дать. Потому и спит много – инстинктивно чувствует, что организм требует. Во сне у человека артериальное давление снижается – так называемый «диппинг», это уменьшает вероятность инфаркта и инсульта. Последний здесь называют «ударом»: дескать, с господином N случился удар, вследствие чего несчастного парализовало полностью или частично. Это в лучшем случае. В худшем – N везут на кладбище... Гипертензия опасна не только инсультом. Высокое артериальное давление досрочно изнашивает внутренние органы, прежде всего сердце. Потому в моем времени гипертоникам рекомендуют ежедневно принимать препараты, снижающие давление. Только где их взять? Я даже давление измерить Кутузову не могу – тонометры изобретут только в конце века. Однако помочь хочется: Михаил Илларионович этого заслужил как никто дру-

гой. Посоветовать народное средство – например, свеклу? Варить ее в кожуре, а полученный отвар пить с медом. Не панацея, конечно, таблетки не заменит, но хоть что-то. Надо будет попробовать протолкнуть идею. Я царя лечил, так что светлейший прислушается.

Получить похвалу от главнокомандующего в присутствии сонма генералов дорогого стоит. Это я понял, выйдя из кабинета Кутузова. В приемной ко мне подошли Неверовский с Паскевичем, пожали руку, а мой комдив вдобавок громко поблагодарил за отвагу, проявленную батальоном сегодня, тем самым давая окружающим понять, что и он при делах. Неверовский, в свою очередь, вспомнил, как наша рота егерей помогла ему отбиться от Мюрата под Красным. Другие генералы благодарить не спешили, хотя поглядывали с любопытством, отдельные – с неприязнью. Вышедший из кабинета Кутузова Толь объявил, что совещание окончено. Генералы потянулись к выходу. Воспользовавшись моментом, Паскевич отвел меня в сторону и укорил вполголоса:

- Врать светлейшему все же не стоило.
- Главнокомандующий меня за это отругал, – сообщил я.
- Его не проведешь, – кивнул Паскевич. – Но награда будет?
- Обещал, – заверил я.
- Отдыхайте! – сказал генерал и пошел к выходу. Я – следом.

В расположении батальона меня встретили офицеры и

Спешнев. На их лицах читался жгучий вопрос: с чего Руцкого потащили к Кутузову? Я не стал томить и рассказал, добавив от себя, что светлейший поблагодарил батальон за проявленную отвагу.

Субалтерны заулыбались. Ротные такого восторга не проявили, но по их лицам было видно, что похвала светлейшего им приятна. Любят в армии Кутузова. Спешнев выразительно посмотрел на меня, я в ответ пожал плечами: не знаю, включают ли в список представленных к наградам и командира полка. По идее, должны, но как выйдет? Если Наполеон завтра уйдет, скупиться не станут. У победы много отцов, а тут, как ни крути, она есть. В ответ Спешнев вздохнул.

– Предлагаю, господа, это отметить, – предложил Синицын. – Есть чем. В трофеях нашлось.

Господа проявили полное понимание. Мы расселись у костра на принесенных денщиками чурбаках, Синицын достал из ранца несколько бутылок, и они тут же пошли по рукам. Вино, ликеры... В Москве награбили. Некоторые из бутылок початы, наверняка покойные французы из них хлебали, но присутствующих это не смутило. Напитки полились в жестяные стаканы от манерок, из которых переместились в желудки. Хорошо!

Внезапно в стороне послышался топот копыт, и в освещенный костром круг вступили четверо коней. Всадники ловко спешили и пошли к нам. Ба, знакомые лица! Есаул Кружилин и его сотники.

– Добрый вечер честной кампании! – поприветствовал нас Кружилин и поинтересовался: – Что празднуем?

– Капитан Руцкий от светлейшего князя вернулся, – ответил за всех Спешнев, с любопытством глядя на казаков. – Сам Кутузов его благодарил, награды офицерам батальона обещал. Вот и празднуем, – добавил с гордостью. – Присаживайтесь, господа, разделите с нами радость! Есть вино, ликеры.

– У нас лучше, – улыбнулся Кружилин и протянул руку назад. Один из сотников вложил в нее тяжелую бутылку. – Вот! – есаул показал ее нам. – Французская водка, «бренди» называется. Крепкая, но мягкая.

Кружилин присел на поднесенный денщиком чурбак. Его спутники разместились рядом прямо на траве. Есаул сильными ударами ладони по дну бутылки выбил из нее пробку, плеснул в поданный денщиком жестяной стакан, а затем пустил бутылку по рукам. Все, в том числе сотники, последовали его примеру.

– Хочу выпить, – сказал есаул, поднимая стакан, – за капитана, – он указал на меня. – Хоть и не казак, но командир справный. Сам французов крепко бил и нам добре подсказал. Переняли мы нехристей у мельничной запруды. Они ее нашли и наладили переправу. Мы дали им перейти на наш берег, после чего вдарили неожиданно, покололи и посекали всех в песи. Никто живой обратно не ушел. После чего на тот берег заскочили и обоз ихний разбили, – есаул ухмыльнулся.

Кому – что, а казакам – дуван. Пока они обоз потрошили, из нас могли рагу нашинковать. Послал же Бог помощников! Хотя, как сказал бы товарищ Сталин в этой ситуации: «Других казаков у меня для вас нэт!»

– Местные обыватели тем временем запруду сломали, – продолжил Кружилин. – Повытчик земского суда люд для того собрал²⁹. Хотели сразу рушить, но мы попросили погодить. Побили супостатов, на тот берег перешли, за нами и поломали. Вода по реке волной пошла, и переправу, которую супостаты ниже по течению ладили, смыло.

Он захохотал. Сотники его поддержали. А вот за это хвалю, сам не додумался. Не знал я про запруду, хотя мог и сообразить. Мельница у города – обычное дело.

– Как же вы ушли? – поинтересовался Спешнев.

– Через речку, – пожал плечами есаул. – Там выше, – он указал левой рукой, – место удобное есть, с низкими берегами, а кони казацкие плавать умеют. Ладно, господа! Что все про нас? За капитана пьем. Твое здоровье, Сергеич!

Кружилин опрокинул содержимое стакана в рот, крякнул и разгладил усы. Мы последовали его примеру, разве что не крякали. И усов у нас нет – не положены пехоте. Бренди оказался хорош, хотя отдавал сивухой. Не умеют еще здесь делать хороший коньяк.

²⁹ Реальный факт. Повытчика звали Савва Иванович Беляев. В 1889 году в Малоярославце ему установили памятник. Повытчик – должностное лицо, ведавшее делопроизводством.

– Вот, – продолжил есаул, отставляя пустой стакан. – А чтоб не думал ты, Сергеич, что казаки добра не помнят, у нас для тебя подарок. Матвей, неси! – велел сотнику, сидевшему справа.

Тот вскочил, подбежал к лошадям и вернулся, держа в руках... гитару.

– Думали мы, что тебе подарить, – сказал Кружилин, приняв инструмент, – как тут Матвей и говорит: «А не тот ли это Руцкий, который песню про казаков сочинил? Тогда ему гитара в самый раз будет». Прав он?

– Да, – подтвердил я.

– Вот и держи! – есаул протянул мне гитару.

Я бережно взял ее за гриф и рассмотрел. Богатый инструмент, явно заграничной работы. Инкрустация перламутром на верхней деке и на голове грифа, колки и нижний порожек из дорогого дерева, ладовые порожки латунные.

– У французов взяли?

– Не мы, – пояснил Кружилин. – Браты обоз разбили, там нашлась. Я ее на часы выменял. Угодил?

– Еще как, Егор Кузьмич! – сказал я, поклонившись. – Спасибо.

– Тогда спой! – сказал есаул. – Про казаков.

Я опустил на чурбак, примостил гитару на бедре и пробежался пальцами по струнам. Боже, как звучит! Даже подстраивать не нужно. Явно концертный инструмент. Как он оказался в обозе? Скорее всего, украден в Москве – сомне-

ваюсь, что французы везли его из Парижа. Ну, Кружилин, ну, умница! Так угодить! Он хотел песен? Их есть у меня. И я спел. Сначала «Только пуля казака в поле остановит», затем «Чернобровую казачку». После второй песни есаул встал, следом вскочили казаки.

– Посидел бы еще, да служба, – сказал Кружилин. – Прощайте, господа! Даст бог, свидимся.

Через минуту топот копыт затих в ночи.

– Спойте еще, Платон Сергеевич! – попросил Тутолмин.

– Пожалуйста! – подключились другие субалтерны.

На мгновение я задумался. Что им спеть? «Ваше благо-родие, госпожа удача»? Как-то не хочется. Про егерей – тоже. Настроение не то. День сегодня выдался суматошный. Кровь, смерть, затем вызов к Кутузову... Не хочу про это. Внезапно вспомнился монах и его напутствие перед боем. А что, если? Эту песню мы разучивали в детстве и пели в школьном хоре. В 90-е было модно все заграничное, хотя текст здесь русский. Я пробежался пальцами по струнам, подбирая мелодию.

*Спасибо, Бог, за лунный свет,
За дивный мир других планет,
За каждый миг, который проживу я.
За радость, грусть, за свет и тень,
За самый лучший в жизни день,*

За каждый новый вздох мой – Аллилуйя!..³⁰

Я увидел, как стали большими глаза у юных субалтернов.
Да и Семен с ротными смотрели, не отрываясь.

*Спасибо, Бог, что ты со мной,
За каждый новый день земной,
За все, что в этом мире так люблю я.
За шум листвы, за дождь и снег,
Минут неумолимый бег,
За свет в моем окошке – Аллилуйя!..*

Ну, и в завершение:

*Прости, что эти люди злы,
Что в мире сумрака и мглы
Живут всем вопреки, с собой воюя.
Позволь забыть, простить, любить
И жить добром и просто быть
Во благо этой жизни – Аллилуйя!*

Я закончил петь и отложил гитару.

– Ну, что, господа, – спросил. – В бутылках еще что-то осталось?

– Так точно! – доложил Тутолмин.

– Тогда разливайте, прапорщик!

Взяв жестяной стакан с плескавшейся в нем жидкостью,

³⁰ Русский текст Леонида Агутина.

я встал.

– Предлагаю, господа офицеры, выпить за наших нижних чинов: рядовых и унтеров – тех, кто сегодня скончал живот свой, положив его за други своя, и тех, кто остался в строю. Пусть Господь упокоит в Царствие Своем души павших и укрепит силы живых. Великое дело сегодня совершили наши солдаты. Благодаря им мы радуемся жизни. Их отвагой и самопожертвованием спасен русский город и его обитатели. Цел Малый Ярославец, не сгорел, как Москва и Смоленск, не оставлен, как те, жителями. Отныне побегут отсюда врази, расточатся, яко дым, и исчезнут, яко тает воск от лица огня³¹. До дна!

Все дружно выпили. Прапорщики с изумленным выражением лиц – не привыкли еще к моим закидонам. За солдат здесь тост толкать не принято – для господ офицеров они серая скотинка. Спешнев и ротные встретили мой спич спокойно – не в первые подобное слышат.

– Ну, что, господа, – произнес Спешнев. – День выдался тяжелый, время позднее, завтра возможно сражение. Следует отдохнуть.

Ну, и выпивка кончилась...

– Спокойной ночи! – сказал полковой командир и, получив ответное пожелание, скрылся в темноте. Мы побрели к овину. Там разлеглись на соломе, укрылись, кто чем. Мои спутники скоро уснули, а я лежал, размышляя над события-

³¹ Перефраз молитвы Честному Кресту.

ми сегодняшнего дня. До чего же ты дошел, фельдшер Руцкий, а? Людей, как палач, топором рубил. Кровавый маньяк. А еще представитель самой гуманной профессии. Я хмыкнул. А врач, когда отключает безнадежного больного от поддерживающей жизни аппаратуры, не совершает убийство? Хорошо еще, что в двадцать первом веке это можно сделать, нажав кнопки. Мне как-то старый доктор рассказывал, что во времена СССР в таких ситуациях была вообще жесть. Когда усилия реаниматологов не приносили результата, и исход борьбы за жизнь человека становился ясным, старший бригады выгонял коллег из палаты, брал шприц с длинной иглой и прекращал мучения человека уколом в сердце. И вот как это считать? «Так то безнадежные больные!» – возразите вы. «Французы – хуже! – отвечу я. – Больные хотя бы умирают сами, а вот эти гады убивают других. И пока они топчут нашу землю, я буду прекращать их существование всеми доступными способами. Это и есть моя гуманная миссия, как бы кто ни убеждал в обратном. Точка!» С этой мыслью я и уснул.

5.

– Хочу услышать от вас, вице-король, почему не удалось захватить это убогое русское селение, по недоразумению названное городом? – спросил Наполеон, сурово глянув на пасынка. – У вас был корпус, в то время как у противника, как мне донесли, не более батальона, да еще без артиллерии. Эту жалкую кучку егерей можно было раздавить, не заметив. Однако вы протоптались у реки четыре часа, позволив русским подтянуть подкрепление, в том числе пушки. Неудачей сегодняшнего дня и, возможно, будущего сражения мы обязаны вам. Отвечайте!

– Прошу простить меня, сир! – вытянулся Богарне. – Это действительно моя вина. В оправдание могу сказать, что русские действовали совершенно неожиданно. Мы еще никогда не сталкивались с подобной тактикой.

– В этой дикой стране все возможно, – желчно заметил Наполеон. – Офицеры русской армии возглавляют шайки разбойников, которые нападают на наших фуражиров и перехватывают курьеров. Крестьяне прячутся в лесах, сжигают свои жилища и запасы продовольствия, чтобы лишить нас крова и провианта. Я писал об этом Кутузову³², на что старый

³² Наполеон действительно писал Кутузову жалобу на действия партизан. Письмо привозил его адъютант. Историки считают, что это было хитростью со стороны французского императора с целью разузнать, находится ли русская армия по-

лис ответил, что такова воля народа в отношении к захватчикам их земель. Пора привыкнуть, генерал. Чем вас удивили русские?

– Они сожгли мост, затем спрятались в зарослях на противоположном берегу реки. Разведка их не обнаружила. Русские позволили нам построить переправу, после чего перестреляли саперов и разрушили наплавной мост. При этом погиб генерал Дельзон, наблюдавший за строительством.

– Действительно, странно, – согласился Наполеон. – Я понимаю: не позволить переправу навести. Это правильно и является обычной тактикой. Но дать возможность навести мост и напасть после?

– Они хотели выиграть время до подхода подкреплений, – сказал Даву. – И им это удалось.

– Рискованно, но смело, – кивнул Наполеон. – Русскими егерями командовал отважный офицер. Но почему после неудачи с первой переправой другая не была наведена в ином месте? Берег у Малого Ярославца протяженный, у противника не хватило бы сил перекрыть его целиком. Следовало связать русских боем, построить наплавной мост выше или ниже по течению, а то и в двух местах сразу, после чего без труда уничтожить этот жалкий батальон и захватить город.

– Я так и сделал, сир! – поклонился Богарне. – Бросил против русских егерей кавалерию. Пока те сражались, встав в каре, мы нашли мельничную плотину на левом фланге, и

дивизия генерала Пино приступила к переправе. Одновременно стали возводить наплавной мост ниже по течению. Но как только первая рота оказалась возле мельницы на занятом русскими берегу, на нее напали казаки. Их было много. Они перебили храбрых итальянцев, перебрались на занятый нами берег, где атаковали дивизионный обоз. Тем временем местные жители разрушили плотину. По реке прошла волна, которая разметала почти готовый наплавной мост на левом фланге.

– Почему Пино это позволил?

– Русские действовали непредсказуемо. Никто не ждал, что казаки, уничтожив передовой отряд, пойдут к нам в тыл. Это противно воинской науке. Пока разбирались с казаками, к русским подоспели кавалерия и пехота с артиллерией. Стало ясно: без серьезного боя переправиться через реку не получится. К тому же другие казаки нанесли по корпусу удар с фланга, разгромив обоз корпуса и захватив часть пушек.

– Казаки, казаки, – пробурчал император. – Только и слышу о них. Это всего лишь иррегулярная кавалерия³³, не способная прорвать правильный строй.

– У нас и такой нет, сир, – заметил Ней. – Кавалеристов сводим в пехотные полки, а они без коней воевать не умеют. Нужны лошади, много.

³³ Помимо строевых казаков, носивших мундиры, в Отечественной войне 1812 года участвовало многочисленное ополчение с Дона, одетое и вооруженное не по уставам. Именно оно задавало тон в действиях казаков во второй половине войны.

– Знаю! – отмахнулся Наполеон, после чего сел за стол и задумался. Маршалы застыли напротив, не спуская глаз с императора. Что он решит? Будут ли они атаковать русских завтра, или император отдаст иной приказ? Никто из присутствующих, кроме Даву, не сомневался в гениальности Наполеона. Армия под его началом не раз попадала в трудные ситуации, но император всегда находил выход.

– Сколько войск у русских? – внезапно спросил Наполеон. – Здесь вся их армия или часть?

– Вся, – поспешил с ответом Даву. – С Кутузовым во главе.
– Даже так... – Наполеон забарабанил пальцами по столу. Императору не хотелось верить, что марш на Калугу провалился и что он зря напустился на пасынка. Ведь возьми Богарне этот жалкий городишко, ничего бы не изменилось. Этот старый хитрый лис Кутузов успел перекрыть дорогу. – Вы уверены?

– У моего начальника разведки отменные лазутчики. Двое из них – поляки, хорошо говорящие по-русски. С наступлением темноты они переоделись в русские мундиры, переправились на другой берег и в течение нескольких часов изучали расположение русских войск, одновременно слушая разговоры солдат и офицеров. По их оценке, у противника не менее ста тысяч человек при шестистах орудиях.

– Не ошибаются? Вдруг русские развели много костров, чтобы ввести нас в заблуждение, а сами тихо ушли? Подобное они проделывали не раз.

– Нет, сир! – покачал головой маршал. – Оба лазутчика – опытные офицеры, и не первый год служат Франции, исполняя подобные миссии. Еще ни разу не подвели. На лошадях они проехали по расположению русских войск. У костров сидят солдаты, для офицеров поставлены палатки. Обычный русский лагерь, только очень большой. Похоже, они настроены на сражение.

– Благодарю вас, герцог, – Наполеон встал. – Слушайте мой приказ, господа. На рассвете возвращаемся в Боровск, откуда пойдем к Смоленской дороге. Без кавалерии я не могу атаковать превосходящие силы русских – это неоправданный риск. В Вязьме и Смоленске нас ждут полные провианта магазины, табуны лошадей. Мы приведем армию в порядок, после чего покажем этим варварам, как нужно воевать. Ней! – повернулся он к маршалу. – Утром нанесете отвлекающий удар на Медынь. Пусть русские думают, что мы идем на Калугу другой дорогой. Но не увлекайтесь – встретив противодействие, отходите. Не задерживаю вас, господа.

Маршалы и генералы поклонились и вышли из избы, где Наполеон устроил свою штаб-квартиру. Снаружи их встретили адъютанты и солдаты с лошадьми на поводу. Командиры вскочили в седла и разъехались каждый в свою часть. Ближе всего ехать было Даву: он квартировал в той же Городне, что и император. Спешившись, он зашел в избу, где его ждал начальник разведки. Увидев маршала, он вскочил с лавки.

– Бон суар, Маре, – сказал Даву и прошел к столу с разложенной на нем картой. – Я только что от императора. Сражения завтра не будет – мы отступаем к Смоленску. Его величество высоко оценил сведения, доставленные вашими агентами, и поблагодарил меня за них. Я, в свою очередь, благодарю вас.

Полковник поклонился.

– Не забудьте поощрить ваших лазутчиков. Они храбрые офицеры и хорошо послужили империи.

– Непременно, – пообещал Маре.

– Что вы об этом думаете? – спросил Даву, снимая перчатки и бросая их на стол. – Я об отступлении.

– Император принял верное решение – русских слишком много.

– И у них в достатке кавалерии и пушек, в отличие от нас, – сморщился маршал. – Это было ясно еще в Москве. Почему бы сразу не идти к Смоленску? Провианта у нас и без того мало, а сейчас мы впустую потратили значительную его часть. К Смоленску солдаты придут голодными – это если дойдут.

Даву сел, облокотился локтями о стол и подпер щеки ладонями.

– Считаете, что русский посланец был прав, и нас ждут голод, холод и болезни? – спросил Маре.

– Сейчас это очевидно, – вздохнул маршал. – Жаль, что ему удалось сбежать. Если бы он повторил императору то,

что сказал нам, возможно, получилось бы отговорить его величество от этого бесполезного маневра.

– Русский знал, что мы пойдем к Малому Ярославцу, и сумел убедить в том Кутузова, – сказал полковник. – Потому здесь вся их армия во главе с главнокомандующим.

– Уверены? – посмотрел на него Даву.

– Да, ваша светлость. Руцкí здесь. Как доложили лазутчики, именно его батальон сорвал переправу корпуса Богарне, действуя при этом совершенно неожиданно для вице-короля. Гусары, атаковавшее каре русских под началом Руцкí, сообщили, что многие из них одеты в необычные серые мундиры. Полагаю, это некий особый род войск, подготовленный по неизвестной нам методике, которой владеет посланец из будущего³⁴. Если это так, то неуспех вице-короля Италии у Малого Ярославца становится понятным.

– Не говорите об этом никому! – торопливо сказал маршал. – Пусть это останется нашей с вами тайной.

– Слушаюсь, ваша светлость! – поклонился Маре.

– Отдыхайте, полковник, – кивнул Даву. – Нас ждет много дел. Некогда я обещал вам чин генерала. Считайте, что он у вас уже есть. Если нам удастся выбраться живыми из этой дикой страны, вас ждет блестящая карьера. Главное условие: уметь держать язык за зубами и беспрекословно выполнять

³⁴ Смешно, но именно так думали французы и в реальной истории, столкнувшись после отступления из Москвы с ополченцами, которых не успели переобмундировать. Их сочли особым родом войск.

мои приказы – любые. Вы меня поняли?

– Да, ваша светлость! – вытянулся полковник. – В моей преданности лично вам, – Маре выделил интонацией слово «лично», – можете не сомневаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.